

ЛУИ АНРИ БУССЕНАР

Капитан Сарви - голова

Annotation

Жан Грандье - юный храбрец и искатель приключений. Он смел, решителен и не мыслит своей жизни без авантур. Жан открыл золотые россыпи на Клондайке и вернулся домой во Францию со сказочным богатством. Но сокровищам не под силу утолить жажду приключений. Поэтому теперь отчаянный юнец собирается в Южную Африку, сражаться против английских завоевателей в армии буров. Для этого ему нужна команда таких же ловких и дерзких ребят. Жан собирает настоящий отряд и отправляется совершать новые головокружительные подвиги. Ведь он - Капитан Сорви-голова, не знающий ни страха, ни упрека!

- [Луи Буссенар](#)
 -
 - [Часть первая. Молокососы](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
-

Луи Буссенар

Капитан Сорви-голова

© Полевой К. И., наследники, перевод, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2018

Часть первая. Молокососы

Глава 1

Смертный приговор. – Бур и его друг, молодой француз. – Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог. – Осужденный сам роет себе могилу. – Казнь. – Трагическая сцена. – Месть. – Капитан Сорви-голова и погоня за ним

Старший сержант, исполняющий обязанности секретаря военного полевого суда, поднялся. В руке у него клочок бумаги с приговором, который он только что нацарапал. Резким и сухим голосом, отчеканивая каждый слог, он прочитал его осужденному:

– «Совет полка, заседаая в качестве военного суда, единогласно приговорил к смертной казни Давида Поттера, виновного в отравлении двадцати пяти лошадей четвертой артиллерийской батареи. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно».

Пять членов суда в белых касках, с кобурами на поясных ремнях сидят на складных стульях, небрежно придерживая коленями сабли; у них надменный и презрительный вид джентльменов, вынужденных исполнять неприятную и скучную обязанность.

Один из них, молодой капитан, даже пробурчал сквозь зубы:

– Бог мой!.. Столько церемоний, чтобы отправить на тот свет какого-то мужика-мошенника, белого дикаря, мятежника, грабителя и убийцу!

Но председатель суда, красивый мужчина в форме полковника гайлендеров Гордона^[1], остановив его легким движением руки, обратился к осужденному:

– Что можете вы сказать в свое оправдание, Давид Поттер?

Бур, который был на целую голову выше своих конвойных артиллеристов, стоявших по обе его стороны с шашками наголо, лишь презрительно пожал плечами. Потом отвернулся от членов суда и через тройную цепь солдат, выстроившихся с примкнутыми штыками вокруг судилища, устремил свой ясный взгляд туда, где стояли его неутешные родные.

Там, возле фермы, рыдала, ломая в отчаянии руки, молодая женщина, душераздирающе кричали дети, несчастные родители осужденного грозили завоевателям своими немощными кулаками.

А яркие лучи солнца, словно желая подчеркнуть эту скорбную картину, пробиваясь сквозь причудливую листву акаций и гигантских мимоз, светлыми зайчиками играли на лугу, травяные волны которого уходили в недоступную для глаза даль.

Здесь он жил, любил, страдал и боролся до последнего дня.

На какой-то миг его взор затуманился слезой умиления, но ее тотчас же осушил гнев.

Он выпрямился и, сжав кулаки, хриплым голосом ответил полковнику:

- Вы осудили меня за то, что я защищал свободу и независимость своей родины... Что же! Вы сильнее - убейте меня!

- Мы судьи, а не убийцы! - с негодованием прервал его председатель. - Вы, буры, ведете бесчестную, недостойную цивилизованных людей войну... Война тоже имеет свои законы, и мы судим вас по этим законам.

- А по-вашему, это честная война, когда десять, пятнадцать, двадцать человек нападают на одного? - вскричал бюргер^[2].

- Мы сражаемся с открытым забралом при помощи нашего оружия. И мы не судим тех, кто воюет с нами

таким же оружием. А прибегать к яду подло, – продолжал полковник. – Сегодня вы травите лошадей, завтра возьметесь за людей... Это заслуживает сурового наказания.

Бур, не разбиравшийся в таких тонкостях, гневно возразил:

– Я действовал как патриот, который уничтожает все, что служит войне: людей, скот, военные материалы. И вам не удастся втолковать мне, почему убивать людей из ружья почетно, а травить ядом лошадей подло.

– От этого животного толку не добьешься, – снова процедил капитан, в глубине души смущенный наивной логикой крестьянина.

– Слушание дела закончено! – властно вмешался председатель. – Давид Поттер, приготовьтесь к смерти.

– А я и не прошу пощады. Если бы вы оставили меня в живых, я снова принялся бы за прежнее. Но я буду отомщен!.. Да, жестоко отомщен! Пролейте мою кровь. Пусть она льется рекою!.. Кровь мучеников за независимость – это роса, питающая свободу!

Эти слова, произнесенные громовым голосом, бросили в дрожь людей, собравшихся перед фермой. А пораженный ими старший сержант, крикнув, возобновил чтение приговора:

– «Осужденный сам выроет для себя могилу. Приговор будет приведен в исполнение взводом из двенадцати человек. Ружья зарядит сержант. Причем только шесть из них должны быть заряжены боевыми патронами, остальные же – холостыми».

Услыхав этот странный параграф приговора, осужденный разразился смехом, жутко прозвучавшим в такую минуту.

– Ха! Ха! Ха!.. Понимаю... Мне как-то говорили об этом, да я, признаться, не верил! – воскликнул бюргер. – Вы боитесь, как бы солдаты не стали жертвами мести за

расстрелянных? И надеетесь такой уловкой отвести от них эту месть? Вы думаете, что если солдат, убивающий патриота, сам не знает, заряжено боевым патроном его ружье или нет, то другие и подавно не узнают?.. Глупцы! Солдатам нечего бояться: моя месть не падет на головы этих невольных соучастников вашего преступления. Она настигнет вас... да, только вас, так называемых судей, истинных и единственных виновников. Вас пятеро, вы сильны и здоровы, за вами английская армия численностью в двести тысяч человек – и все равно месть поразит вас всех пятерых, и вы погибнете злою смертью, потому что я присуждаю вас к ней – я, обреченный на смерть.

Председатель встал и бесстрастно произнес:

– Мы судим по праву и совести, и ваши угрозы не трогают нас. По закону вам не дозволяется общение с людьми, но из человеколюбия я разрешаю вам проститься со своим семейством.

По его знаку тройная цепь солдат разомкнулась. Через образовавшийся проход ворвались убитые горем родные осужденного.

Их человек тридцать; впереди жена Давида. Вне себя от горя, она бросается на грудь любимого и верного спутника своей жизни и иступленно сжимает его в объятиях. Она не в силах вымолвить ни слова, убитая неотвратимостью страшной беды.

Возле нее красивый юноша. На нем охотничий костюм отменного покроя, изящество которого, так резко отличавшееся от скромной одежды буров, возбудило любопытство англичан.

Грустная улыбка озарила лицо осужденного при виде юноши.

– Давид!.. Мой хороший, добрый Давид!.. Вот как нам довелось свидеться! – воскликнул молодой человек.

– Вы? Неужели это вы, мой дорогой мальчик?.. Как я счастлив!.. Видите, они схватили меня – это конец... Не

видать мне торжества нашей свободы и независимости.

- Погодите отчаиваться!.. Я попробую поговорить с ними, - произнес юноша.

Он подошел к собиравшимся уже уйти членам военного суда. Сняв шляпу, но не теряя чувства собственного достоинства, он обратился к председателю:

- Умоляю вас, милорд, прикажите отсрочить казнь... Сжальтесь над этой несчастной женщиной, над детьми, над этим человеком, действиями которого руководило лишь благородное чувство патриотизма. Вы сыны великой, сильной нации, будьте же великодушны!

- Мне очень жаль, - ответил полковник, отдавая честь затянутой в перчатку рукой, - но я бессилён помочь.

- Несколько дней жизни!.. Всего лишь несколько дней! Одну только неделю - и я берусь выхлопотать для него помилование.

- Не могу, молодой человек. Приговор произнесен именем закона, а все мы рабы закона, начиная от ее величества королевы и кончая последним из наших парней.

- Я внесу залог.

- Нет.

- Десять тысяч франков за каждый день...

- Нет.

- Сто тысяч франков за день... Это составит миллион за десять дней!

- Миллион? Но кто же вы такой?

- Человек, умеющий отвечать за свою подпись, - ответил юноша с характерной для него вызывающей, но исполненной достоинства дерзостью. - Давид Поттер спас мне жизнь, и, если понадобится, я отдам за него все до последней копейки, до последней капли своей крови!..

- Такое чувство делает вам честь, - прервал его полковник, - но на войне трудно руководствоваться чувствами. А теперь выслушайте меня внимательно, - продолжал он. - У меня есть сын, примерно вашего возраста, он служит офицером в моем полку. На нем сосредоточил я всю свою отцовскую нежность, все честолюбие солдата... Так вот, предположим, что он находится в плену у буров и должен быть расстрелян, как будет сейчас расстрелян этот человек. Предположим также, что мне, его отцу, предлагают его жизнь в обмен на жизнь Давида Поттера...

- И вы?.. - задыхаясь от волнения, спросил юноша.

- Не принял бы предложения, и мой единственный сын погиб бы!

Словно оглушенный этими словами, юноша опустил голову. Он понял: ничто уже не может спасти осужденного и настаивать бесполезно. Впервые постиг он весь ужас этого страшного бича, этого бедствия, которое превращает убийство в закон и нагромождает горы трупов, этого позорящего человечество чудовища, имя которому война.

Вернувшись к буру, окруженному рыдающими родными, он взял его руку в свои и с неизъяснимым выражением нежности и сожаления воскликнул:

- Мой добрый Давид!.. Я думал смягчить их - ничего не вышло... Надеяться больше не на что.

- И все же я так благодарен вам, мой маленький храбрый француз, за ваше участие, - ответил бюргер. - Бог свидетель, на сердце становится теплей, когда видишь, что за наше дело борются такие люди, как вы!

- Неужели я ничего не могу сделать для вас? - прошептал юноша.

- Можете! Пробыть возле меня вместе с моей женой и детьми до последнего моего вздоха... Отомстить за меня! Всегда сражаться так же, как... поняли? И ни слова больше... Здесь слишком много ушей...

- Обещаю, Давид!

Офицеры между тем расходились по своим палаткам, с любопытством поглядывая на этого мальчика, который жонглировал миллионами и говорил, как мужчина.

Остались только старший сержант, два артиллериста и пехотинцы, окружавшие место, где стояли осужденный и его близкие. Сержант резким голосом приказал одному из солдат одолжить осужденному свою лопатку.

Солдат отстегнул подвешенную на поясе, пониже рюкзака, валлийскую лопатку, которыми снабжена вся английская пехота, и подал ее буру, а старший сержант, указав пальцем на землю, пояснил:

- Dig!.. Копай!..

Пожав плечами, бур спокойно ответил:

- Я не прикоснусь к этому английскому изделию, не стану марать своих рук, да и родную землю, в которой мне суждено покоиться вечно. Принесите-ка мне кирку да лопату, славные мои орудия. С их помощью я вспахал эту девственную землю, опустошаемую теперь завоевателями.

Ему принесли. Он схватил рукоятки, отполированные долгим трением о его огрубевшие от труда руки, и блестящее железо зазвенело. Потом двумя длинными шагами он отмерил на красноватой земле свой гигантский рост и засек две глубокие зарубки. Английские солдаты, умеющие ценить мужество, не могли скрыть восхищения.

Бур поплевал на ладони, сжал рукоятку кирки и целиком ушел в свою зловещую работу.

- Ну-ка, Давид, - бормотал он, - пошевели-ка в последний разок вскормившую тебя землю.

Согнув спину, напрягая руки и шею, на которых, словно веревочные узлы, выступили мускулы, он

мощными ударами стал вгрызаться в землю вельдта^[3], и она, проносясь между его ног, послушно ложилась позади него. За тем он старательно выровнял лопатой яму, придав ей форму могилы.

Жена и дети, стоя на коленях под знойными лучами солнца, которое было уже в зените, тихо плакали.

Солдатам разрешили присесть. Они стали закусывать, вполголоса переговариваясь. Время между тем шло, и могила углублялась. Великан-бур все глубже и глубже уходил в землю, лишь изредка прерывая свою ужасную работу, чтобы тыльной стороной руки отереть струившийся по лицу пот. Время от времени он взглядывал украдкой на жену и детей. И тогда, невзирая на усталость, начинал работать быстрее, спеша поскорее покончить со столь страшным для них зрелищем.

Один из солдат, охваченный состраданием, протянул буру флягу, полную виски.

- Выпейте, товарищ, это от чистого сердца, - ласково сказал он.

- Виски?.. Нет, спасибо. Еще подумают, что я выпил для храбрости. Но я охотно приму от вас немного воды, товарищ!

Друзья и родные, окруженные цепью солдат, не могли пойти за водой.

Солдат сбегал в дом и принес деревянный ковш свежей воды. Давид, припав к нему губами, жадно пил, а солдат возвратился на свое место, рассуждая:

- Вода!.. Ну разве может она сойти за христианский напиток, особенно в тот час, когда человек должен навсегда забыть вкус виски? Да если бы я был так же близок, как он, от того, чтобы сыграть в ящик, уж я бы не постеснялся осушить фляги всего взвода. Это так же верно, как то, что меня зовут Томми Аткинс!

А время шло, безжалостно текли минуты. Солнце склонялось к западу. И все глуше звучали удары кирки в зияющей яме, поглотившей бура уже до самых плеч. Жена его распростерлась на земле и, с ужасом сознавая приближение роковой минуты, не отрывала глаз от двух огромных бугров, нараставших по обе стороны могилы.

Послышался треск затворов. То старший сержант, достав из патронташа двенадцать патронов и вырвав из шести патронов пули, заряжал ружья.

Вот он уже принес винтовки и бросил их на землю. Затем, подойдя к буру, который продолжал копать землю, сказал:

– Давид Поттер, приготовьтесь к смерти!

А тот, прервав работу, поднял голову и спокойно ответил:

– Я готов.

Уложив рукоятку лопаты поперек ямы и ухватившись за нее, он подтянулся на руках, одним прыжком перемахнул через могильный скат – и вот он уже стоит на земле, измазанный красноватой землей, освещенный косыми лучами солнца, огромный, трагически величественный.

Жена и дети бросились было к нему, но караул по знаку сержанта оттеснил их. И тотчас же выступили вперед двенадцать невооруженных солдат, назначенных в этот страшный наряд. Разобрав наугад принесенные сержантом ружья, они выстроились в ряд. К осужденному подошел старший сержант, чтобы завязать ему глаза и поставить на колени. Бур энергично запротестовал:

– Единственная моя просьба к англичанам – позволить мне умереть стоя, глядя на божье солнце, и самому скомандовать: огонь!

– Я не могу отказать в этом столь мужественному человеку, как вы, – ответил сержант, козырнув ему по-военному.

– Благодарю.

Взвод находился на расстоянии примерно пятнадцати шагов.

Бур стал лицом к солдатам, спиной к могиле.

Мертвая тишина повисла над лагерем. Смолкли рыдания и стоны. Жгучая мука охватила все сердца.

Короткая команда, мгновенное дребезжанье металла, и двенадцать стволов вытянулись ровной сверкающей линией: солдаты взяли бура на прицел.

Осужденный стоял с обнаженной головой и открытой грудью.

Глубоко вздохнув, он воскликнул:

– Прощайте, жена, дети, свобода! Прощай все, что я любил! Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

Грянули двенадцать выстрелов, сопровождаемые глухим эхом. Бур пошатнулся и тяжело рухнул навзничь на один из могильных скатов.

Из уст жены вырвался крик отчаяния, заголосили дети.

Взвод взял на караул, сделал полуоборот и двинулся в лагерь. Отряд, служивший оцеплением, разомкнулся и открыл наконец доступ к могиле.

Бур умер мгновенно. Из его груди, изрешеченной всеми шестью пулями, хлестали потоки крови.

Несчастливая жена, тяжело опустившись на колени, благоговейно закрыла его глаза, даже в смерти сохранившие твердость. Потом, омочив свои пальцы в крови, ярко алевшей на разодранной одежде мужа, она осенила себя крестом и сказала детям:

– Сделайте, как я... И никогда не забывайте, что ваш отец – убитый англичанами мученик, кровь которого вопиет о мщении!

Дети последовали ее примеру. А старший сын, рослый четырнадцатилетний мальчик, решительно

подошел к французцу, который тоже плакал, и, взяв его за руку, твердо сказал:

- Ты возьмешь меня с собой. Правда?

- Да, - ответил француз, - у меня найдется для тебя пони и мушкетон.

- Иди, дитя мое! - воскликнула, услышав его, мать. - Иди, сражайся за независимость, как подобает мужчине, и отомсти за отца!

Из дома принесли широкую простыню и веревку: простыню - чтобы завернуть в нее тело, веревку - чтобы опустить его в могилу.

Но тут прибежал запыхавшийся и взволнованный, коренастый и юркий, как белка, подросток.

Увидев молодого французца, он бросился к нему и тихо сказал:

- Нас предали!.. Беги, спасайся!.. Англичане знают, что ты на их передовой позиции. Скорей! Скорей!.. Лошади уже здесь.

- Благодарю, Фанфан... Иду. - И, обратившись к юному буру, француз сказал: - Обними свою мать, Поль, и следуй за мной.

Мальчик, названный Фанфаном, уже исчез. Сын казненного и молодой незнакомец последовали за ним.

Фанфан направился к заросли колючих мимоз, метко называемых в тех местах «подожди немного». Там, покусывая ветки, переминались с ноги на ногу два сильных пони, снаряженных по-боевому, с мушкетонами у седла и с туго набитыми походными сумками.

Ловко вскочив на одного из них, француз крикнул Полю:

- На круп позади Фанфана - и в галоп!.. Дело будет жаркое.

С аванпостов уже донеслось несколько выстрелов, а над головами беглецов зажужжали пули, когда их пони взяли с места бешеным галопом. Возле дома Давида Поттера поднялась невообразимая суматоха.

- Окружить дом! Никого не выпускать! - крикнул примчавшийся на взмыленном коне полковой адъютант. - Где старший сержант?

- Здесь, господин лейтенант! - ответил сержант.

- Вы не заметили тут юношу, вернее - мальчика, в охотничьем костюме?

- Так точно, господин лейтенант, заметил!

- Где он?

- Я думаю, на ферме.

- Немедленно схватить его и доставить в штаб полка живым или мертвым.

- Живым или мертвым?.. Да ведь это же безобидный ребенок.

- Круглый идиот!.. Этот ребенок настоящий дьявол, он стоит целого полка! Это проклятый капитан Сорвиголова, командир разведчиков... Живо, живо! Всем кавалеристам, которыми вы располагаете, - в седло! В одно мгновение были взнузданы и оседланы тридцать коней. И началась бешеная погоня...

Глава 2

Гон. – Человек в роли дичи. – Дичь защищается. – Первые подвиги капитана Сорви-голова. – Бесстрашные юнцы. – Инстинкт лошадей. – Обходное движение. – Колючий кустарник. – Фанфан ранен. – Отчаянное бегство. – Пони убит. – Смертельная опасность. – Между двух огней

У англичан, этих страстных любителей спорта, все может послужить предлогом для неистовых скачек.

Если нет лисицы для травли с собаками, довольствуются маленькими комочками бумаги. Егерь, изображающий собой зверя, разбрасывает их как попало.

Охота для потехи или даже подобие такой охоты вполне удовлетворяет спортсмена, лишь бы скакать через самые неожиданные препятствия и испытывать опьянение, которое так волнует искусного наездника. Но когда в перспективе у джентльмена охота за человеком! Когда человек становится дичью, которую нужно взять или убить!.. О! Тогда национальная страсть, помноженная на врожденную первобытную свирепость – Homo homini lupus est^[4], превращается в настоящее неистовство. Перед такой охотой меркнут и Rally rareg^[5] и Fox hunting^[6].

Гнаться за человеком, присутствовать при его агонии – что за наслаждение для цивилизованных варваров!

«Вперед! Вперед!..» У англичан этот возглас означает: «Кто придет первым».

Офицеры, пользуясь своей властью, приказали солдатам спешиться и бесцеремонно забрали их коней. Взвод сформировался в одно мгновение. Он состоял из

драгун, улан, гусар и нескольких уеотангу^[7], этих бесстрашных охотников, еще более одержимых, чем их товарищи по регулярной армии.

«Вперед! Вперед!»

Долг солдата и спортивный азарт подхлестывают друг друга, придавая особую напряженность скачке, которая с ходу приняла бешеный характер.

«Вперед!.. Вперед! Охота за человеком!»

Взвод улан то смыкался, то растягивался, в зависимости от темперамента всадников и горячности их коней.

Впереди молодой уланский лейтенант на великолепном, породистом скакуне. С каждым его скачком офицер все больше удалялся от взвода и приближался к беглецам, которые опередили погоню не более чем на шестьсот метров.

Бедные мальчики мчались во весь опор на пони, неказистых с виду, но смелых и умных животных, честно исполнявших свой долг.

Вот оба отряда вступили в полосу высоких трав. Здесь пони приобрели некоторые преимущества: они перешли на своеобразный аллюр, при котором их передние ноги идут рысью, а задние галопом, что дает им возможность, почти не снижая скорости и не путаясь, пробираться среди высоких трав. На голой равнине их настигли бы за каких-нибудь десять минут, в прериях же удавалось сохранять расстояние, отделявшее их от преследователей.

Только уланский лейтенант да еще трое всадников постепенно нагоняли беглецов.

Пони молодого француза, которого англичане прозвали капитаном Сорви-голова, не обнаруживал еще ни малейших признаков усталости. Но удила пони, на котором скакали Фанфан и юный Поль, уже были покрыты обильной пеной: он явно начал уставать.

- Фанфан! - крикнул Сорви-голова. - Ты не на деревянном коньке карусели, а в седле! Отдай поводья, положишься на коня.

- Ладно, хозяин! - ответил Фанфан. - Придется тебе, Коко, думать за нас обоих, - ласково потрепал он по шее пони. - Впрочем, это не так уж трудно для тебя.

Сорви-голова между тем обернулся. Обеспокоенный приближением англичан, он отстегнул мушкетон.

- Внимание!.. - вполголоса обратился он к своим спутникам.

Затем раздался его свист, услышав который оба пони мгновенно остановились и замерли на месте.

Проворно соскочив с пони, Сорви-голова пристроил на седле ствол своего мушкетона и, наведя его на уланского офицера, осторожно спустил курок. Раздался сухой выстрел. Несколько мгновений Сорви-голова стоял не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами, словно желая проследить полет пули.

Офицер, сраженный на всем скаку, выпустил поводья и, взмахнув руками, опрокинулся на круп коня.

Лошадь шарахнулась в сторону, офицер, мертвый или тяжело раненный, свалился наземь, а обезумевший от испуга конь, подстегиваемый бьющимися о бока стремянами, понесся куда глаза глядят.

- Благодарю вас, Сорви-голова! Может быть, это один из тех, кто убил моего отца! - воскликнул Поль Поттер.

Послышался второй выстрел.

То Фанфан, увидев, что Сорви-голова стреляет, решил последовать его примеру, без малейшего, впрочем, успеха.

- Эх! Чистый проигрыш, - проворчал раздосадованный мальчик.

Три кавалериста, скакавшие за лейтенантом, остановились, чтобы оказать ему помощь. Образовалась маленькая группа.

Бах!..

- Фью-ю-ю-ю-ю... - запела, разрывая воздух, пуля.

То снова выстрелил Сорви-голова.

В группе англичан поднялась на дыбы лошадь и, пройдя на задних ногах, подобно геральдическим коням, несколько шагов, грохнулась, подмяв под себя всадника.

- И второй! - с дикой радостью завопил маленький бур.

Бах!.. Это опять так же азартно выстрелил Фанфан - и опять так же успешно промахнулся.

- Ты стреляешь, как сапожник, Фанфан! - крикнул взбешенный Сорви-голова. - Передай свое ружье Полю.

- Давай, давай! - обрадовался сын казненного. - Посмотришь, как я стреляю.

С аккуратностью старого солдата мальчик щелкнул затвором, вложил патрон в казенную часть, спокойно навел ружье на одного из двух оставшихся в живых улан маленького английского авангарда и выстрелил в тот самый миг, когда уланы возобновили преследование.

- Ух, здорово! - воскликнул Фанфан, радуясь успеху маленького бура, снявшего всадника с коня.

- Ну, Поль! Четвертый - на нас двоих! - крикнул Сорви-голова - Тебе - человек, мне - конь.

И два выстрела слились в один.

Всадник и конь, пораженные на полном скаку двумя не знавшими промаха стрелками, упали и скрылись в траве.

- Да, ты будешь отомщен, и хорошо отомщен, бедный мой отец! - воскликнул побледневший от гнева мальчик.

Эта страшная расправа, такая долгая в рассказе, совершилась в каких-нибудь полминуты.

Пора было, однако, удирать. Все кавалеристы примчались к месту, где погибли их товарищи. Отряд

перестроился.

Уже садясь на пони, Сорви-голова заметил, что все англичане, у которых было огнестрельное оружие, целятся в них.

Он едва успел пронзительно свистнуть и крикнуть:

- Ложись!

Прекрасно выдрессированные животные, услышав знакомый сигнал, распластались на земле одновременно со своими хозяевами.

Над беглецами просвистал град пуль.

Фанфан болезненно вскрикнул.

- Только без глупостей! - воскликнул Сорви-голова, но голос его звучал тревожно.

- Угостили... - ответил Фанфан. - Нечего сказать, угостили!

- Гром и молния!.. Бедный Фанфан! - воскликнул Сорви-голова. - Покажи!

- В левую ходую угодили, - попытался отшутиться Фанфан. - Погоди... Паломки, кажется, нет - только голень продырявили, и все. Кровоточит, правда, но ничего, не очень больно. Обмотаю ее платком и стану таким же петухом, как и раньше.

- Дай перевяжу.

- Не стоит. Потом как-нибудь... Сейчас дела куда поважнее. Становится жарко.

Действительно, становилось жарко.

Англичане, взбешенные сопротивлением и не ожидавшие встретить таких опасных противников в каких-то мальчишках, которых они думали взять голыми руками, переменили тактику и приступили к новому маневру.

Их двадцать четыре человека. Семеро поскакали направо, семеро - налево, описывая полукруг, чтобы отрезать отступление беглецам. Десять остальных, оставшись на месте, рассредоточились и стали

поддерживать огонь в том направлении, где прижались к земле юные партизаны.

- Теперь уж не до смеха, - сказал Сорви-голова. Приподняв голову, он осматривал местность. - Они хотят взять нас в клещи обходным движением. Но посмотрим!.. Придется отступить. Ты сможешь, Фанфан?

- Каждый может все, чего захочет, хозяин. Будь покоен! Уж я-то не повисну колодой на ваших ногах.

- Нам грозит смертельная опасность, - предупредил Сорви-голова.

- Вся наша жизнь смертельная опасность, - ответил молодой парижанин. - Не разбив яиц, и яичницы не приготовишь. Если бы я дрожал за свою шкуру, я остался бы у себя на родине, на улице Гренета^[8].

Пока Фанфан философствовал, Сорви-голова не терял даром времени. Он установил по компасу, что в полулье направо от них находится хорошо знакомый большой лес, затем связал узлом стремяна пони, предварительно перекинув их на седла. Все это он проделал так, чтобы англичане ничего не заметили. А те продолжали лениво постреливать, решив, по-видимому, не предпринимать более энергичных действий, пока их товарищи не завершат окружения. Сорви-голова между тем перекинул через плечо свой мушкетон и, приказав товарищам следовать за ним, с удивительной быстротой пополз среди высоких трав.

Поль и Фанфан, видно тоже знакомые с этим приемом индейцев, повиновались, и вскоре все трое исчезли в гигантской растительности вельдта. Их пони, распростертые на земле и скрытые густой травой, остались на месте.

Англичане, ставшие более осмотрительными, приближались осторожно, мелкой рысью, время от времени переходя даже на шаг.

Не обращая на них никакого внимания, Сорви-голова двигался направо, к опушке леса. Противник не переставал постреливать наугад, и Сорви-голова, продолжавший ползти с проворством ящерицы, сказал вполголоса:

- Только бы не искалечили они наших лошадок... Эх! Будь со мной хотя бы дюжина моих Молокососов, ни один из этих хаки не вернулся бы в свой лагерь. - И, обернувшись затем к Фанфану, он спросил: - Как дела, старина?

- Потеем, трудимся, - ответил Фанфан. - Не ручаюсь, что мог бы прыгнуть с трамплина, но что касается ходьбы на четвереньках... одной лапой больше, одной меньше - невелика важность.

К счастью, трава в тех местах была вышиною в метр, а то и больше; только это и спасало бесстрашных сорванцов. В другой обстановке они давно уже были бы схвачены или подстрелены англичанами.

В самом деле, представьте себе луг с Марсово поле^[9], на котором играют в прятки, но только всерьез и под угрозой смерти, трое против двадцати четырех.

Какая выносливость, какая ловкость, сколько удачи потребуется этим троим, чтобы благополучно ускользнуть!

Между тем правый и левый отряды англичан завершили полуокружение. Теперь совместно с третьим, оставшимся на месте взводом они готовились сомкнуть кольцо вокруг того места, где, по их мнению, находились беглецы.

Но те, пробираясь между травами, прошли уже расстояние в четыреста метров под прямым углом к их первоначальному направлению. Прежде они скакали на север, теперь же ползли на восток. Просто чудо, что англичане до сих пор не заметили их передвижения. До спасительного леса оставалось еще не менее

полутора тысяч метров. Будь у них достаточно времени, они, конечно, доползли бы до него, но этот невероятно трудный способ передвижения скоро совсем истощил силы раненого Фанфана. При всем своем мужестве он не способен был ползти дальше.

Ослабленный потерей крови, которая не переставала струиться из раны, чувствуя, что с каждой минутой все больше слабеет, еле волоча за собой ноги, он умолял товарищей бросить его.

- Ни за что! Или ты вернешься в лагерь вместе с нами, или мы все погибнем здесь! - воскликнул Сорви-голова.

- Но подумай! Командующий ждет результатов разведки. От них зависит судьба всего командо[10], - спорил Фанфан.

Вместо ответа Сорви-голова только пожал плечами. Присев на корточки и чуть высунув голову из травы, он беглым взглядом окинул равнину.

Юноша заметил, как сильно они опередили англичан. От врагов их отделяло теперь не менее пятисот метров.

О, если бы только они могли и дальше продвигаться вот так же, под прикрытием травы! Но Фанфан! Бедняга Фанфан!.. Надо спасти его во что бы то ни стало.

Не видя другого выхода, Сорви-голова решил поставить на карту все.

Вложив пальцы в рот, он трижды пронзительно свистнул.

И тогда произошло нечто поистине изумительное. Бурские лошадки, притаившиеся в траве и до сих пор не обнаруженные англичанами, стремительно вскочили и понеслись бешеным галопом, с раздувающимися ноздрями, прыгая над травой, как антилопы. Безошибочный инстинкт полудиких животных не обманул их. Тонкий слух верно уловил направление

сигнала, а чутье, более острое, чем у ищеек, вело их по правильному пути.

Растерявшись от изумления, англичане послали было вдогонку смелым животным несколько выстрелов, но, увидев, что пони без седоков, перестали обращать на них внимание.

Преследователи, разумеется, также слышали свист. Но их отряды находились довольно далеко друг от друга, и потому они не могли определить место, откуда он доносился. Больше того, каждый из отрядов принял свист за сигнал другого отряда к атаке. И все они поторопились сойтись в той точке, где никого уже не было.

Нельзя не признать, что для троих ребят, один из которых был к тому же ранен, это был блестящий маневр. К несчастью, опасность еще не миновала. Пони примчались к ним, как вихрь. Немного привстав, Сорвиголова остановил их легким прищелкиванием языка и в каких-нибудь две секунды развязал стремяна.

– В седло, Поль! – скомандовал он. – Не заботься обо мне и скачи прямо в лес.

А пока маленький бур садился на лошадь, он поднял Фанфана, усадил его верхом на холку пони и, вскочив позади раненого в седло, устремился за буром.

Англичане, поняв наконец, что их одурачили, послали вслед беглецам, мчавшимся, как ветер, залп проклятий и открыли по ним адский огонь.

Пули свистели, выли, жужжали вокруг Молокососов, срезали стебли трав; музыка была не из приятных.

Пока одни англичане стреляли, другие возобновили погоню. Каких-нибудь пять-шесть минут – и беглецы достигнут леса, где их ожидает спасение.

Да, но пять минут!

Внезапно лошадка Поля отпрянула в сторону, зашаталась и чуть не упала. На левом боку животного показалась длинная струя крови.

- Держись, Поль, твой пони ранен! - крикнул Сорви-голова.

Бур и сам уже почувствовал, что лошадь под ним оседает. Напрасно он подбадривал ее голосом и вонзал ей в бока шпоры. Боясь, что пони упадет, и стремясь продвинуться как можно дальше, Поль стал даже покалывать его ножом.

То и дело спотыкаясь, доброе животное пробежало еще метров триста, потом зашаталось и тяжело повалилось на землю. Из рта и ноздрей его показалась кровь.

- Бедный Коко! - всхлипнул Фанфан, обожавший своего коня.

А маленький бур, этот ловкий наездник, успел уже соскочить и стоял целый и невредимый.

Остановив своего пони, Сорви-голова крикнул:

- Вскарбайся позади меня, Поль, и держись крепче. Чем мы хуже сыновей Эмона?^[11]

Уставший и перегруженный пони уже не мог бежать так быстро, как до сих пор. И хотя до леса оставалось не более трехсот метров, расстояние между беглецами и англичанами уменьшалось с каждой секундой.

Раздался новый залп, и Поль, застонав, скатился в траву.

Правда, он тут же вскочил и крикнул, догоняя товарищей:

- Ничего страшного, я только обезоружен!

Пуля угодила ему между лопаток, но, по необыкновенно счастливой случайности, сплющилась, ударившись о дуло ружья, причем искривила его и разбила ложе приклада.

Еще полтора метра метров!

Англичане приближались, улюлюкая, с неистовыми криками «ура». Еще бы! Что за чудесная охота!

Маленький бур бежал по траве вслед за пони, но трава теперь была уже не такая густая и высокая.

А тут еще пони, попав ногой в разрытый муравейник, упал на колени, и Сорви-голова с Фанфаном, перелетев через его голову, шлепнулись оземь шагах в шести от него.

Полуоглушенный, Сорви-голова мгновенно вскочил, но его товарищ лежал без сознания.

- Сдавайтесь!.. Сдавайтесь!.. - заорали англичане.

- Ни за что! - гаркнул им в тон Сорви-голова, наводя на них свое ружье.

С изумительным хладнокровием он выстрелил три раза подряд и сшиб с коней трех мчавшихся впереди англичан.

Потом, передав свое ружье Полю, он произнес:

- В магазине осталось еще четыре патрона. Задержи врага, а я унесу Фанфана.

Фанфан по-прежнему лежал без памяти. Сорви-голова поднял его и побежал к лесу.

Он уже почти достиг опушки, как вдруг всего в нескольких шагах от себя услышал раздавшийся из леса громopodobный голос: «Огонь!» И в то же мгновение он очутился среди дыма и пламени: со всех сторон гроыхали выстрелы.

Капитану Сорви-голова показалось, что он в настоящем аду.

Глава 3

Воспоминание о «Ледяном аде». – Замысел молодого миллионера. – За буров! – Встреча с Фанфаном. – В путь! – Набор добровольцев. – В заливе Делагоа. – Португальская таможня. – Претория. – Президент Крюгер. – Молокососы

Не так давно «Журнал путешествий» опубликовал под заголовком «Ледяной ад» рассказ о приключениях французов в Клондайке, стране богатейших золотых россыпей. Напомним кратко об этой захватывающей драме.

Несколько молодых французов, жертвы прославившегося своими злодеяниями бандитского сообщества «Коричневая звезда», отправились искать счастья в это таинственное Эльдorado Полярного круга. Ценою невероятных страданий и смертельных опасностей им действительно удалось добыть баснословное состояние. Но бандиты, не упускавшие их из виду, тайно отправились за ними в Клондайк. Там они узнали, что французам посчастливилось открыть «Золотое море» – богатейшие россыпи, упорно разыскиваемые всеми золотоискателями. Разумеется, бандиты решили завладеть этим сокровищем, которое, даже по предварительным подсчетам, превышало, и значительно превышало, ослепительную цифру в сто миллионов.

Героями этой драмы золота и крови были семь человек: молодой ученый Леон Фортэн и его прелестная невеста Марта Грандье; газетный репортер Поль Редон; присоединившийся к ним старый канадец Лестанг; Дюшато и его отважная дочь Жанна и, наконец, брат Марты – Жан Грандье.

Жану Грандые, воспитаннику коллежа^[12] Сен-Барб, было тогда всего пятнадцать лет. Природа одарила его недюжинным умом, физической силой и необыкновенной для юноши его лет выносливостью. Этот школьник, умевший храбро противостоять всем испытаниям, совершил там чудесные, почти легендарные подвиги.

Не будем говорить о его изумительной способности переносить мороз в пятьдесят градусов, о необыкновенной ловкости, проявленной им в борьбе с дикими зверями – огромными полярными волками, – скажем лишь, что тяжело раненный, обмороженный, ослабленный потерей крови, он собственноручно убил пятерых бандитов из шайки «Коричневой звезды» и освободил свою сестру и Жанну Дюшато, находившихся в плену у этих злодеев. Во Францию он вернулся сказочно богатый и одержимый той жаждой приключений, которая знакома и не дает покоя всем, кто хоть раз вкусил прелесть этой волнующей жизни.

Отдохнув несколько месяцев, Жан заскучал. Его деятельная натура требовала применения своим силам. Он решил было, став во главе какой-нибудь географической экспедиции, проникнуть в не исследованные еще страны или взяться за какое-либо другое смелое и полезное дело, но тут вспыхнула англо-бурская война.

Пылкая и благородная душа Жана Грандые мгновенно загорелась сочувствием к двум маленьким южноафриканским республикам, боровшимся за свою независимость.

Его восхищали спокойствие, достоинство и величие старого, патриархального президента – благородного Крюгера, в котором он видел живое воплощение древних добродетелей мужественного бурского народа.

Он влюбился в буров, этих солдат-добровольцев, ненавидевших войну и взявшихся за оружие только ради защиты святого дела национальной независимости. В то же время он от всей души возненавидел англичан-завоевателей, которые развязали войну, бросив многочисленную и могучую английскую нацию против двух крошечных государств. Уже один только этот факт вопиющего неравенства сил казался ему величайшим преступлением против человечества.

С одной стороны - могущественная, богатейшая в мире империя с населением в четыреста миллионов человек, с превосходной армией, флотом, колониями, первоклассной промышленностью, огромными финансовыми ресурсами. Колосс, господствующий на морях и на суше - целой трети земного шара! С другой стороны - два крошечных народца, едва насчитывающих четыреста тысяч жителей, мирных крестьян, занимающихся земледелием и мечтающих только о том, чтобы жить в мире и быть подальше от всех тревог, которые потрясают человеческое общество.

Он трепетал за них, изумлялся равнодушию цивилизованных народов, возмущался тем, что ни один из этих народов не посмел или не смог помешать этому несправедливому нападению, совершенному на другой же день после «международной мирной конференции».

Он говорил себе:

«Если большие государства так эгоистичны и подлы, а эта отвратительная вещь, которую называют политикой, потворствует их эгоизму и подлости, то все честные люди, люди большого сердца должны откликнуться и действовать, не щадя своей жизни. Я молод, смел и свободен в своих поступках, я люблю приключения, меня влечет ко всему величественному и доброму. Я готов отдать себя душой и телом благородному

делу защиты слабых. И потому я стану добровольцем трансваальской армии».

Он поделился своим проектом с сестрой Мартой и ее мужем, Леоном Фортэном. Те от души его одобрили.

Да и кто бы мог помешать ему свободно распорядиться своей жизнью и своим состоянием?

После трогательного прощания со своим другом Полем Редоном, женившимся к тому времени на Жанне Дюшато, он отправился в намеченное путешествие.

Марта и Леон провожали Жана Грандые. Он уезжал в 8 часов 40 минут с вокзала П. Л. М.^[13] скорым поездом, идущим в Марсель, откуда ему предстояло отплыть в бухту Делагоа^[14].

Когда они подкатили к огромному вокзалу, какой-то подросток лет пятнадцати бросился открывать дверцу роскошного экипажа. Но соскочивший в ту же минуту с козел лакей Жана, обиженный непрошенным вмешательством в его служебные обязанности, так грубо отшвырнул мальчика от кареты, что тот растянулся во весь рост, больно ударившись лицом о мостовую.

Богатство не ожесточило сердца героев Клондайка. Все трое невольно вскрикнули, а Жан, поспешно выйдя из кареты, подхватил парня подмышки и поставил его на ноги:

- Не очень больно? Все цело?.. Прости, друг, и, прошу тебя, прими маленькое вознаграждение.

А подросток, хотя у него обильно струилась из носу кровь и ему было очень больно, заставил себя улыбнуться и пробормотал:

- Вы очень добры, но, право, ничего...

Ни упрека, ни малейшего намерения поскандалить, чтобы извлечь выгоду из происшествия.

От взгляда Жана не ускользнуло, что у подростка приятная внешность, что одет он опрятно и что в нем

нет ничего от классического типа открывателя каретных дверей^[15]. Облик Гавроша^[16], но отнюдь не уличного хулигана. Все это мгновенно промелькнуло в голове Жана. Порывшись в жилетном кармане, он вытащил оттуда горстку луидоров^[17] и протянул их мальчику.

- Бери, не стесняйся, - сказал Жан Грандье, - и не поминай лихом нашу встречу.

Мальчик краснеет, бледнеет, смотрит, разинув от изумления рот, на золотые монеты и, наконец, восклицает:

- И все это мне? Из-за какого-то шлепка о мостовую? Здорово!.. Благодарю вас, князь! Наконец-то я выберусь за фортифы^[18] и полюбуюсь на белый свет!

- Ты любишь путешествовать? - спросил Жан.

- До безумия! С пеленок мечтал... А теперь вот благодаря вам я могу купить билет до Марселя.

- Постой, постой, но почему же именно в Марсель? - воскликнул Жан.

- Потому что уж там-то я как-нибудь обернусь и непременно попаду в страну буров.

- Что?! Ты хочешь в волонтеры?! - невольно вырвалось у Жана.

- Да. Уж больно хочется поколотить этих англичанишек, которые мучают буров!

Леон Фортэн и его жена с интересом прислушивались к разговору, в котором собеседники перескакивали с пятого на десятое.

- Как тебя зовут? - без лишних предисловий спросил Жан.

- Фанфан.

- Где живешь?

- Раньше жил на улице Гренета, двенадцать, а теперь так, вообще... ну, просто на улице.

- Родители есть?

- Отец. Он пьянствует все триста шестьдесят пять дней в году и уж никак не меньше двух раз в сутки награждает меня колотушками. А позавчера совсем из дому выгнал.

- А мать?

- Пять лет, как умерла, - ответил мальчик, и на глазах у него блеснули слезы.

- Так, значит, ты твердо решил записаться в трансваальскую армию?

- О да!

- В таком случае, Фанфан, я беру тебя с собой.

- Не может быть!.. Благодарю от всего сердца! С этой минуты я ваш и на всю жизнь! Увидите, как предан будет вам Фанфан!

Так капитан Сорви-голова завербовал первого добровольца в свою роту разведчиков.

В Марселе Жан завербовал еще одного добровольца, который работал раньше поваренком на морском пароходе, а теперь был без места. Его, как и всякого провансальца, звали Мариусом, и он охотно отзывался на прозвище «Моко».

В Александрии Жан завербовал сразу двоих. То были юнги: один - итальянец, другой - немец; оба они только что вышли из больницы и ожидали отправки на родину. Немца звали Фрицем, итальянца - Пьетро.

Рассмеявшись, Жан сказал Фанфану:

- Четыре человека - целый полувзвод, и я его капрал!

Вербовка этого разноязычного интернационального отряда продолжалась всю дорогу.

В Адене Жан наткнулся на двух алжирских арабов. Их вывез из Алжира губернатор Обока^[19], но они бежали от него и теперь старались как-нибудь устроиться. Они говорили на ломаном французском языке и охотно согласились следовать за внушавшим

доверие молодым человеком, который к тому же предложил им великолепное жалованье.

Наконец, уже на пароходе, Жан Грандье встретился с семьей бедных французских эмигрантов, отправлявшихся попытать счастья на Мадагаскар.

Их было пятнадцать человек, считая племянников и других дальних родственников. И, увы, все они были так бедны, что даже легендарная, ставшая нарицательной нищета Иова^[20], наверное, показалась бы им богатством.

Молодость и энтузиазм Жана произвели сильное впечатление на этот маленький клан, и ему удалось уговорить трех юношей последовать за ним в Трансвааль. Под предлогом возмещения убытков за потерю трех пар здоровых молодых рук, которых он временно лишал семьи, Жан вручил главе семьи десять тысяч франков и обещал выплатить столько же после окончания кампании.

«И все же мне хотелось бы пополнить свой отряд до дюжины», – думал Жан, превратившись из капрала во взводного.

Результаты, которых он добился в этом отношении по прибытии в Лоренцо-Маркес, превзошли все его ожидания.

Жан, как человек, привыкший надеяться только на самого себя, привез из Франции на сто тысяч франков оружия, боеприпасов, одежды, обуви, предметов снаряжения и упряжи. Он знал, что на войне все может понадобиться. Правда, его немного тревожил вопрос о выгрузке этого более чем подозрительного багажа на португальской территории. Однако, несмотря на свою молодость, наш друг был достаточно дальновидным и опытным парнем, ибо опасные приключения являются лучшей школой жизни. Поэтому, когда корабль пришвартовался, Жан преспокойно оставил на его

борту свой огромный груз, а сам отправился на дом к начальнику португальской таможни.

Лузитанское^[21] правительство плохо оплачивало своих служащих. Жалованье им выдавали редко, а зачастую и совсем не выдавали. Им предоставлялась полная свобода выкручиваться как угодно из этого неприятного положения. Они и выкручивались, да так ловко, что жили совсем неплохо и даже довольно быстро наживали состояние, и это, несомненно, свидетельствовало об их изумительных административных способностях.

Жан Грандье, осведомленный об этой особенности их существования, поговорил несколько минут (ведь время теперь – деньги!) с его превосходительством и тут же получил разрешение на немедленную выгрузку своей поклажи.

Его превосходительство потребовал лишь заверения, что в многочисленных и тяжелых ящиках находятся орудия производства.

Жан, не моргнув, охотно уверил его в этом и уплатил таможенные пошлины.

Многим эти пошлины показались бы, вероятно, несколько раздутыми, ибо они составили кругленькую сумму в тридцать пять тысяч золотых франков, из которых лишь пять тысяч приходились на долю правительства, остальные же тридцать шли в карман его превосходительства. Но ведь его превосходительство, в свою очередь, должен был вознаградить за временную слепоту английских контролеров, а это стоило ему нескольких крон.

Жан был в восторге от своей сделки и приказал, не мешкая ни минуты, выгружать «орудия производства», которые тут же были отправлены по железной дороге в Преторию^[22].

Неистощимое великодушие и неиссякаемая веселость Жана производили сильное впечатление на всех, кто сталкивался с ним. Его умение, не командуя, одним лишь словом или даже просто жестом заставить повиноваться себе, его сдержанность, его исполненная собственного достоинства непринужденность в обхождении с людьми, его уверенность в себе – все выдавало в нем вождя.

Первые его товарищи, фанатически поверившие в него, вербовали ему все новых и новых сторонников. Так, они привели к нему двух молодых креолов из Реюньона^[23], которые, попытав счастья в шахтах Трансвааля, возвращались домой без единого лиарда^[24]. Затем были завербованы два молодых португальских солдата, дезертировавшие по какой-то веской причине из своих частей, и, наконец, юнга торгового флота, страстный любитель приключений, который немедленно покинул свой корабль, чтобы примкнуть к ним.

Теперь их собралось пятнадцать парней, мечтавших о подвигах. И хотя среди них были представители самых различных национальностей, все они отлично уживались друг с другом, слившись в тесную, дружескую семью.

Двадцать четыре часа спустя поезд мчал их в Преторию, куда они и прибыли без особых приключений. Жан Грандьё отправился к президенту Крюгеру и был тут же принят вместе со своими товарищами.

В Трансваале не существовало никаких преград между президентом и его посетителями: ни приемных, ни адъютантов, ни секретарей, – свободный доступ для всех, у кого была надобность к этому высокочтимому народом государственному деятелю, чью нечеловеческую энергию, казалось, впитал в себя весь

храбрый, сражавшийся за свою независимость народ Трансвааля.

Волонтеров во главе с их командиром ввели в обширный зал. Здесь у заваленного бумагами письменного стола сидел президент, черты лица которого были известны всему миру по фотографиям.

Секретарь, стоявший рядом с ним, перелистывал депеши и по указанию президента быстро делал на них пометки. В уголке крепко сжатых губ старика свисала его неизменная трубка, дымившая после методических и коротких затяжек.

Выразительное, с крупными чертами и массивным подбородком лицо этого крепко сбитого великана было обрамлено густой бородой, а чуть прищуренные глаза пронизывали собеседника острым взглядом, смущавшим своей твердостью и внутренней силой.

О нет, ничего общего с Крюгером на английских карикатурах!

Достаточно взглянуть на него, увидеть его медлительные, почти вялые движения, его высохшее лицо, его словно высеченный резцом ваятеля корпус, его атлетическое телосложение, чтобы почувствовать огромную дремлющую в нем силу, железную, ничем несокрушимую и непреклонную волю.

Да, этот человек производил внушительное, даже величественное впечатление, несмотря на простоту его нескладно скроенной одежды, несмотря на этот вышедший из моды, смешной, единственный в своем роде и неизменный, как и его трубка, шелковый цилиндр, без которого он нигде и никогда не появлялся.

А впрочем, эта шляпа действовала неотразимо. Ведь она, так сказать, была частью самого президента Крюгера, вернее, столь же неотъемлемой характерной чертой его внешности, как чепчик королевы Виктории,

как монокль мистера Джозефа Чемберлена^[25] или треуголка Наполеона.

И впечатление, производимое ею, было настолько сильно, что у Фанфана, ошеломленного этим шедевром шляпного мастерства, невольно вырвалось по меньшей мере непочтительное восклицание:

- Боже! Ну и колпак!

К счастью, президент не очень-то разбирался в тонкостях парижского жаргона. Он не знал, точнее, уверял, что не знает и не понимает ни одного языка, кроме голландского.

Благоразумнее, конечно, было бы не очень доверять этому.

Президент медленно обернулся к Жану Грандье, легким кивком ответил на его приветствие и спросил через своего переводчика:

- Кто вы и что вам угодно?

- Француз, желающий драться с врагами вашей страны, - последовал лаконичный ответ.

- А эти мальчишки?

- Завербованные мною волонтеры. Я за свой счет вооружаю, снаряжаю и одеваю их, покупаю им коней.

- Вы так богаты?

- Да. И я намерен завербовать сотню молодых людей, сформировать из них роту разведчиков и отдать ее в ваше распоряжение.

- А кто будет командовать ими?

- Я. Под начальством одного из ваших генералов.

- Но ведь они еще совсем молокососы.

- Молокососы? Неплохо! Отныне так и будем называться: отряд Молокососов. Могу вас заверить - вы не раз услышите о нас!

- Сколько же вам лет?

- Шестнадцать.

- Гм... молодо-зелено.

- В шестнадцать лет вы, кажется, уже убили вашего первого льва?

- Верно! - улыбнулся Крюгер.

- И потом юность... Разве не в этом именно возрасте человек полон дерзновенных мечтаний, беззаветной преданности, жажды самопожертвования, презрения к опасностям и даже к самой смерти!

Президент пожал капитану Молокососов руку.

- Хорошо сказано, мой мальчик! Будьте же командиром ваших Молокососов, вербуйте сколько хотите волонтеров и превратите их в солдат. Бог свидетель - вы мне нравитесь и я поверил в вас.

- Благодарю вас, господин президент! Вот увидите, как славно мы у вас поработаем!

Но старик уже поднялся во весь свой рост, намекая на конец аудиенции. Он пожал капитану Молокососов руку, да так стиснул ее, что у другого бы она хрустнула, и при этом убедился, что рука Жана Грандые тоже не из слабых.

- Верю, что этот маленький француз совершит большие дела, - сказал он улыбаясь.

Старый президент, или, как его любовно называли буры, «дядя Поль», оказался хорошим пророком.

На другой день пятнадцать Молокососов шагали по улицам Претории в полном боевом снаряжении, с маузерами за плечами, с патронташами на поясных ремнях, в широкополых фетровых шляпах.

А еще через пятнадцать часов у них уже были свои пони, на которых они молодецкато гарцевали живописной кавалькадой.

О, этот юный капитан не в игрушки играл! Какое глубокое знание людей обнаружил он! Как верно рассчитал, что нет лучшей рекламы для набора волонтеров, чем появление на улицах этого маленького кавалерийского отряда.

Волонтеры так и стекались к нему со всех сторон. Не прошло и недели, как Жан Грандые набрал свою сотню Молокососов, самому младшему из которых было четырнадцать, а старшему – семнадцать лет. А так как весь этот народ изъяснялся на какой-то невообразимой тарабарщине, Жан стал искать переводчика, который знал бы английский, французский, голландский языки и хотя бы несколько слов по-португальски.

И он нашел. Это был тридцатилетний бур с длинной волнистой бородой. Мальчики прозвали его «Папашей». На седьмой день эскадрон Молокососов парадным маршем прошел перед домом президента. Президент, с трубкой во рту и в своем неизменном колпаке, произвел смотр.

Дядя Поль слегка улыбался. Эта улыбка, от которой давно уже отвыкли его губы, походила скорее на растроганную гримасу, на немую ласку, обращенную к юным храбрецам, готовым отдать свою жизнь благородному делу борьбы народа за независимость.

Глава 4

Война - не всегда сражение. - Разочарование. - Обозники и землекопы. - Боевое крещение. - Атака. - Победа. - Песенка Фанфана-Тюльпана становится походным маршем Молокососов. - Сорви-голова и его генерал. - Конец рейда. - Появление Молокососов там, где их меньше всего ждали. - Послание английским судьям

Осажденный бурами Ледисмит находился тогда почти в полном окружении. Сюда-то в распоряжение генерала Вильжуэна и был доставлен по железной дороге интернациональный эскадрон.

Начало кампании оказалось довольно тягостным для маленькой кавалерийской части и разрушило немало иллюзий молодых людей.

Как известно, всякий доброволец мечтает о подвигах, а в армию идет для того, чтобы драться. И вот первое и довольно жестокое разочарование: сражение на войне - редкость.

Война - это, прежде всего, нескончаемые походы и переходы, марши, контрмарши и маневры; прибавьте сюда караульную службу, ночные обходы при любой погоде, бессонные ночи, утомление, недоедание и всякого рода лишения; приказы, контрприказы; неизбежную при этом суматоху - короче говоря, целую кучу вещей, ничего общего не имеющих с боевыми делами и угнетающе действующих на нервы солдата-добровольца.

Война, видите ли, нечто обратное параду, изнанка всего того, что увлекает вас своим блеском.

А в этой войне была и другая неприятная сторона. Известно, что в мирное время буры - самый

гостеприимный народ; они принимают путника с таким сердечным и щедрым радушием, которое зачастую граничит с расточительством.

Но вот что достойно удивления: во время войны с англичанами эти же самые буры холодно, почти с недоверием встречали иностранных добровольцев, стекавшихся к ним со всех концов света.

Ведь они же никого не звали себе на помощь, и потому их как будто удивляли все эти энтузиасты, которые несли им в дар свою жизнь и кровь. Замешательство, с каким они принимали бескорыстное самопожертвование добровольцев, граничило с неблагодарностью.

Что же произошло с Молокососами?

Бурский генерал, принявший Молокососов более чем холодно, не мог придумать для них ничего лучшего, как конвоирование и охрану обозов.

Подумать только! Они, эти одержимые страстью к подвигам юнцы, переплыли океан, проехали тысячи километров, а их обрекли на конвоирование обозов. Занятие, бесспорно, полезное, но весьма прозаическое.

Жан Грандье еще сдерживался, но остальные Молокососы роптали не хуже ворчунов старой гвардии^[26]. Даже переводчик Папаша, наделенный присущим бурам хладнокровием и крепкими нервами, ругался и клял судьбу на всех четырех языках.

Так шли дни за днями, не принося никаких изменений, если не считать земляные работы, на которые их иногда посылали. Хуже этого нельзя было ничего придумать.

Между тем люди эскадрона все теснее сближались друг с другом. Молокососы знакомились, у них появилось чувство локтя, они начали – о, пока еще очень смутно! – понимать друг друга.

Кроме того, молодые буры, – а их было большинство в эскадроне, – занялись дрессировкой пони и превратили их прямо-таки в ученых животных.

Но вот наконец в тот самый момент, когда у наших сорванцов совсем опустились руки и бедные ребята готовы были пасть духом, внезапно была замечена кавалерийская разведка англичан.

– Враг! Враг! Хаки!.. Там!..

– Где?..

– Направо!..

– Они отрежут нас!..

Все кричали разом и на разных языках. Пони, насторожившись, рыли копытами землю. Молокососы ждали приказа, но приказа не было. И тогда Фанфан, зевака по натуре, не в силах совладать с любопытством, вскочил на пони и поскакал вперед.

За ним последовал второй Молокосос – он тоже сгорал от любопытства, затем еще четверо, потом десять, пятнадцать и, наконец, весь эскадрон. Ведь это же война, самая настоящая война, с битвой, тут, у них под руками... О нет, этого случая они не упустят!..

Юные безумцы помчались во весь опор, с криком, с гиканьем, думая только об одном – столкнуться с англичанами, ударить по ним.

Сорви-голова, захваченный врасплох, даже не пытался остановить Молокососов или внести какой-то порядок в эту ураганную атаку. Он бешено пришпорил своего коня, вынесся вперед и голосом, покрывшим весь этот гам, скомандовал:

– Вперед!

Поистине великолепно была эта атака, пускай неожиданная, беспорядочная, но исполненная отчаянной решимости и неистового мужества.

Обычно кавалеристы пользуются при атаке шашкой или пикой, но так как у Молокососов не было ни того, ни другого, они мчались на врага, потрясая своими

маузерами. Это глупо, это безумно, это нелепо. Пусть будет так. Но именно это и принесло им успех.

Английские кавалеристы – народ не трусливый и отнюдь не из тех, кого легко захватить врасплох. Обнажив шашки, они ринулись на скачущий врассыпную эскадрон. Сейчас должно произойти страшное столкновение, а сорванцы даже не перестроились согласно законам кавалерийского боя.

Но тут Жан, сохранивший еще кое-какие крохи хладнокровия, за несколько секунд до трагического столкновения прибегнул к последнему средству. Он бросил поводья, мгновенно прицелился, выстрелил и закричал во всю глотку:

– Огонь!.. Целься пониже!..

Папаша проорал этот приказ по-голландски. И началась ожесточенная пальба. Магазины их маузеров были полны. Каждый Молокосос успел выстрелить по три раза.

Лошади англичан стали валиться одна на другую вперемешку со своими всадниками. Невообразимый беспорядок мгновенно охватил весь отборный отряд, контратака захлебнулась.

Больше того. Пони Молокососов, не чувствуя натянутых поводьев, понесли. На полном скаку они врезались в английский эскадрон, промчались сквозь его ряды и полетели дальше. Некоторые пони, увязнув в гряде валявшихся коней, поднимались на дыбы и в свою очередь опрокидывались.

Получилась ужасная мешанина из убитых и раненых людей и лошадей. Воздух огласился проклятиями, стонами и предсмертными хрипами.

Но никому не было до этого дела.

Англичане – их было шестьдесят человек, – потеряв треть своего состава и предполагая, что за Молокососами следует другой, более сильный неприятельский отряд, повернули коней и бросились

наутек к своим аванпостам. Однако на полдороге они снова наткнулись на тех Молокососов, пони которых пронеслись сквозь строй англичан. Сорванцы, успев перестроиться, опять напали на них с фронта.

Нет спасения от этих одержимых юнцов! Они окружили врагов и, под угрозой расстрела в упор, потребовали, чтобы англичане сдались. И те вынуждены были сдаться.

Потери англичан: тридцать убитых и раненых и почти столько же пленных, которых Молокососы с торжеством повели к своему генералу.

Потери Молокососов: трое убитых, шесть человек раненых и десять искалеченных лошадей.

Вот это война!.. Чудесно!

Сражавшийся с неистовой отвагой Фанфан, который, кроме воинских талантов, обладал красивым голосом, по пути в лагерь громко затянул песенку Фанфана-Тюльпана^[27]. Его товарищи-французы хором подхватили ее, остальные подпевали вполголоса.

Песня была дьявольски живая и веселая.

- Великолепно! - воскликнул восхищенный ею Жан Грандье. - Это твоя песенка, Фанфан?.. Теперь она станет песней Молокососов.

- Отлично, хозяин, - нашим боевым маршем. Да, черт возьми, вперед! С этой песней ты всегда будешь вести нас к победе... О, простите! Я и позабыл, что вы мой хозяин и благодетель...

- Слушай, Фанфан, ты просто злишь меня своими бесконечными «хозяин» да «благодетель». Хватит! Тут теперь одни товарищи-солдаты, только что получившие боевое крещение. Отныне я ввожу обязательное «ты» между всеми нами... А теперь продолжай свою песенку.

Генерал горячо поздравил отважных сорванцов, когда они привели к нему пленников.

До сих пор он почти не замечал их и теперь не мог прийти в себя от изумления. И действительно, рядом с гигантами – английскими кавалеристами, юнцы на своих пони выглядели как мартышки, вскочившие верхом на собак.

– Да ведь это же дети, настоящие Melkbaarden (молокососы), – сказал Вильжуэн.

Папаша перевел его слова, а сорванцы воскликнули в один голос:

– Ну и что же! Молокососы, а работали за больших.

– Что же касается вас, – продолжал генерал, обращаясь к Жану, – должен признаться: вы сманеврировали, как настоящий Temmer van wilde paarden. Но будьте осторожны: во второй раз это может кончиться не столь удачно.

Папаша-переводчик, дойдя до тяжелой, как булыжник, фразы генерала: «Temmer van wilde paarden», что означает дословно «укротитель диких лошадей», удачно нашел для нее точный и меткий перевод в чисто французском выражении: «Сорви-голова».

– Сорви-голова? Подходит! Как раз по мне. К тому же меня и в Клондайке так звали.

– Да здравствует капитан Сорви-голова! – воскликнул Фанфан.

Так закончилось это горячее дело.

Молокососы доказали, что они пригодны для более значительных дел, чем конвоирование обозов. Отныне они были зачислены в качестве разведчиков в команду генерала Вильжуэна и проявляли поистине удивительную ловкость, энергию и выносливость на этой тяжелой службе.

Однажды Сорви-голова, задавшийся, казалось, целью оправдать свое многообещающее прозвище, находился в разведке на левом берегу Тугела^[28]. Не желая подвергать риску своих волонтеров в местности,

где на каждом шагу их стерегла смертельная опасность, он действовал тут в одиночку. Как вдруг английские кавалеристы, скрывавшиеся за каким-то холмиком, заметили его и, кинувшись за ним вдогонку, прижали к самому берегу.

Сорви-голова понадеялся на силу своего пони и заставил животное одним прыжком броситься в реку. Англичане не решились последовать за ним, но открыли бешеную пальбу с берега.

До слуха Жана со всех сторон доносились зловещие звуки... То барабанил по воде град преследующих его пуль, и просто чудо, что ни одна из них не задела его.

Но с пони что-то случилось: он стал бить ногами по воде и пошел ко дну, увлекая за собой всадника.

Оторвавшись от седла, Сорви-голова некоторое время держался под водой. Стоило ему, однако, высунуть голову, чтобы глотнуть воздуха, как она превращалась в мишень для англичан. Он снова скрывался под водой, опять выплывал и в конце концов окончательно выбился из сил. Стало трудно дышать, одеревенели руки и ноги. Еще несколько секунд - и отважный юноша пойдет ко дну.

Эту отчаянную борьбу увидел человек, стоявший на другом берегу. Не обращая внимания на пули англичан, направивших теперь на него свой огонь, человек этот бросился в воду, быстро подплыл к Молокососу и подхватил его в то самое мгновение, когда Жан уже терял сознание.

Одна из пуль настигла храброго спасителя, задев его плечо. Не заботясь о ране, оставлявшей кровавый след на воде, он плыл с удвоенным упорством и, сам почти лишившись чувств, вынес на берег юного командира разведчиков.

Неизвестный, спасший Жана с опасностью для собственной жизни, был не кто иной, как фермер Давид Поттер. Храбрец отнес юношу к себе на ферму,

находившуюся в двух километрах от берега, и стал ухаживать за ним с отеческой заботливостью.

Надо ли говорить о том, какую благодарность почувствовал молодой француз к своему спасителю! Выздоровев, он всякий раз, когда выдавалась свободная от службы минутка, приезжал на ферму пожать шершавую руку бурского фермера и отдохнуть несколько часов в тесном кругу его семьи.

Выше мы уже рассказали, при каких страшных обстоятельствах и как трагически оборвалась эта дружба.

Читатель вполне может теперь представить себе, в какую ярость привела капитана Сорви-голова расправа с его другом и спасителем, совершенная у него на глазах англичанами с утонченной жестокостью, недостойной солдат великой нации.

Он поклялся жестоко отомстить, а клятва, произнесенная таким человеком, как Жан Грандье, не могла остаться невыполненной.

Остальное нам уже известно.

К сожалению, в тот момент, о котором идет наш рассказ, капитан разведчиков был совершенно лишен возможности отомстить членам военного суда за убийство своего друга...

После головокружительного бегства по травянистой степи и хитрых, чисто индейских приемов, с помощью которых они вырвались из почти полного окружения англичан, юный Поль и Сорви-голова с Фанфаном на плечах очутились перед непроходимой чащей колючей мимозы. Они надеялись найти здесь спасение, как вдруг навстречу им и почти в упор раздалась частая пальба. Но что за чудо! Ни одна из пуль даже не задела Молокососов. И это было тем более удивительно, что таинственные стрелки, хорошо укрытые за ветками и стволами деревьев, имели полную возможность спокойно целиться.

Зато с полдюжины англичан, подстреленных на расстоянии тридцати метров, как кролики, перекувыркнулись в воздухе.

- Будь покоен, хозяин! - воскликнул ослабевший, но не унывающий Фанфан. - Будь покоен! Это друзья!

- Верно! - сказал Сорви-голова. - Верно, это свои... Вперед, товарищи!

Поль бесстрашно полез в чащу, покрытую колючками, за ним последовал Фанфан, а Жан замыкал шествие, подталкивая Фанфана и помогая ему.

Передвигаясь таким образом, они вскоре очутились перед строем гремевших маузеров, из стволов которых то и дело поднимались легкие клубы дыма. Около двадцати юнцов, притаившихся под листвой, встретили их радостным криком:

- Спасены!.. Спасены!..

Сорви-голова узнал в них самых отважных Молокососов. Их появление здесь граничило с чудом.

Тут и Мариус, по прозвищу Моко, и Фриц, и Пьетро, и юные арабы Макаш и Сабир, и Финьоле - юнга, и три эмигранта - Жан Луи, Жан Пьер и просто Жан, и оба португальца - Фернандо и Гаetano, и шестеро молодых буров - Карел, Элиас, Жорис, Манус, Гюго, Иохим, и другие, лица которых трудно было разглядеть за стволами продолжавших грохотать маузеров.

Да, их было не меньше двадцати человек, и натворить они успели немало.

Кони английских кавалеристов представляли заманчивую мишень для таких метких стрелков, как Молокососы. Чудесно укрытые кустарником, они стреляли без перерыва и укладывали англичан одного за другим.

Что ж! И на этот раз сорванцы остались победителями в схватке с отборным войском ее королевского величества.

Почти все кони англичан уже валялись на земле, когда шести оставшимся в живых кавалеристам пришла в голову спасительная мысль повернуть их назад и помчаться к своим позициям.

Их бегство сопровождалось оглушительным «ура» сорванцов, которые вышли теперь из засады и чуть не задушили в объятиях спасенного ими капитана.

Впрочем, излияния длились недолго, рассказы пришлось отложить: на земле лежали раненые и контуженные, надо было подумать о них.

Сорви-голова направился к тем, которые только что преследовали его с торжествующими возгласами охотников, заметивших, что дичь выбивается из сил, и вообразивших, что уже держат ее в своих руках.

Помимо чувства человечности, еще одно соображение заставило капитана Сорви-голова поспешить на помощь своим врагам.

Его взгляд случайно упал на красивого парня, нога которого была придавлена мертвым конем.

В этом беспомощном «спортсмене» Сорви-голова узнал сержанта, исполнявшего обязанности секретаря суда. Его извлекли из-под коня, и Сорви-голова с удовлетворением отметил, что тот не ранен, а лишь слегка контужен.

- Хотите получить свободу? - без дальних оговорок спросил его капитан Молокососов.

- Конечно, - стараясь соблюсти чувство собственного достоинства, ответил солдат, - если только это не сопряжено с условием, противным моей воинской чести.

- Я слишком уважаю себя и дело, за которое сражаюсь, чтобы не уважать чести обезоруженного врага. И вот чего я требую от вас взамен предоставленной вам свободы: вы должны лично вручить мои письма каждому из членов военного суда, осудившего Давида Поттера.

- Охотно, - ответил англичанин, не ожидавший, что так дешево отделается.

- В таком случае прошу вас сообщить мне их фамилии.

- Извольте. Председатель - лорд Ленокс, герцог Ричмондский, полковник гайлендеров Гордона. Судьи: Колвилл - майор третьего уланского полка, Адамс - капитан четвертой артиллерийской батареи, Русел - капитан второй роты седьмого драгунского полка и Харден - капитан первой роты шотландских стрелков.

- Благодарю вас, - ответил Сорви-голова.

Жан Грандые принадлежал к людям, которые не любят терять времени даром. Тут же достав из кармана бумажник, он извлек оттуда пять визитных карточек и быстро бисерным почерком написал на каждой из них следующие строки:

«Убитый вами ни в чем не повинный Давид Поттер приговорил вас к смертной казни. Я - исполнитель его мести. Где бы вы ни были, моя рука всюду сумеет настигнуть вас.

Вы были безжалостны, я буду таким же. И вы все погибнете.

Сорви-голова».

Надписав на обороте карточек адреса членов военного суда, он вручил их сержанту, сказав:

- Дайте честное слово доставить их по назначению.

- Клянусь честью! Ваши послания будут переданы мною их адресатам.

- Отлично. Вы свободны!

Глава 5

Сражение. – Гайлендеры Гордона и Молокососы. – Огонь! – Истребление офицеров. – Герцог Ричмондский и его сын. – Ожесточенная борьба. – Последний патрон. – Враги повержены! – Великодушные. – Волынщик. – Письмо. – Несчастливая мать. – Победа

Служба Молокососов – не синекура^[29]. Из этих сорванцов выработался отборный отряд, в замечательных достоинствах которого с каждым днем все более убеждалось командование.

С ними считались, как со взрослыми, им поручали опасные дела.

Их капитан, недаром получивший свое прозвище Сорви-голова, водил их иногда чуть ли не в пасть к самому дьяволу и умел найти выход из любого положения.

Порой они несли тяжелые потери, но это ничуть не уменьшало их энтузиазма.

Мы уже видели, в какой трагической обстановке происходила их разведка в расположении войск английского генерала Джорджа Уайта^[30], явно готовившегося перейти в наступление.

Это если и не бесполезное, то, во всяком случае, преждевременное наступление началось на северо-востоке от Ледисмита, примерно в двадцати трех километрах по направлению к Эландслаагте.

Генерал Вильжуэн, основываясь на подробном докладе Жана Грандые о силах англичан, принял совместно со своим правофланговым соседом, генералом Жаном Коком, все необходимые для отпора врагу меры.

Буры заняли сильные позиции, удачный выбор которых говорил о том, что они мастерски овладели военным искусством. Позиции состояли из цепи пологих холмов, защищенных траншеями и находящимися под прикрытием скал. В густой траве была скрыта целая сеть заграждений из колючей проволоки, о которую должен был разбиться боевой порыв наступающих. Там и сям в разбросанных на некотором расстоянии друг от друга передовых окопчиках засели стрелки. Под скалами, позади траншей, притаились бургские пушки, подле них – готовая к бою оружейная прислуга.

Поражала мертвая тишина, нависшая над трансваальскими линиями с их невидимыми защитниками. Слово по мановению руки, люди и кони в поразительном порядке, без шума и суеты занимали подготовленные позиции и вдруг исчезали, будто таяли. Лишь изредка то там, то здесь блеснет вдалеке и тотчас исчезнет бронзовый ствол маузера или покажется на секунду круп лошади, прижавшейся к скале.

Чем не фантазмагория!

Англичане же, наоборот, двигались по открытой степи и согласно всем правилам современной тактики: артиллерия, кавалерия, пехота.

У них замечательные войска, способные выдержать любое испытание, укомплектованные достаточным штатом опытных унтер-офицеров.

Любая великая держава могла бы гордиться такими солдатами. Эти молодцы были совсем неповинны в том, что их послали сражаться за несправедливое дело, не по доброй воле бесстрашно шли они проливать свою кровь, чтобы отнять у ни в чем не повинных людей их самое драгоценное благо – свободу.

Главнокомандующий англичан спешил начать сражение. Не столько ради того, чтобы, разомкнув кольцо осады, обрести свободу движений, сколько

потому, что ему, лично ему до-зарезу нужна была победа. Она нужна была ему именно сегодня, и он был готов купить ее любой ценой.

Дело в том, что в Кейптауне уже высадился новый генералиссимус, сэр Редверс Буллер, а сэру Джорджу Уайту необходимо было доказать Англии, что гораздо проще было бы предоставить командование всеми английскими войсками ему, Уайту.

Такова истинная причина этого наступления, столь безумного, что бургские генералы долго отказывались в него поверить.

Из глубины долины донеслись глухие раскаты: английские пушки открыли огонь.

Снаряды, начиненные лиддитом^[31], с пронзительным свистом рассекали воздух и, упав среди холмов, взрывались градом стальных осколков и клубами зеленоватого дыма.

Четыре непрерывно гремевшие батареи и колонны англичан, формировавшиеся на ходу, постепенно приближались к холмам.

Пушки буров лениво отвечали на этот скорее шумный, чем опасный концерт. Их артиллеристы заранее разметили прицельные квадраты и теперь терпеливо выжидали, когда можно будет открыть огонь из всех орудий, чтобы разить врага с близкого расстояния.

Два пехотных полка, поддерживаемых двумя батальонами гайлендеров Гордона, выстроившись по ротам в колонны, приблизились к позиции буров и решительно бросились в атаку.

Генерал Вильжуэн, находившийся недалеко от Молокососов, внимательно следил за движением англичан.

– Безумцы! – воскликнул кто-то из его свиты.

- Храбрецы! - поспешно возразил генерал, отличный судья в вопросах доблести.

Стрелки, залегшие в передовых окопчиках, открыли ответный огонь. Несколько англичан упало.

Пушки неистовствовали; непрерывно шлепались и взрывались снаряды, зеленой пеленой расстилался дым; горнисты трубили атаку, а шотландские волынки наигрывали самые боевые свои мотивы...

Плохо защищенная первая линия траншей была взята англичанами без особых усилий.

Шагавшие в авангарде гайлендеры Гордона, опьяненные этим слишком легким успехом, который они приветствовали бурным «ура», гимнастическим шагом бросились вперед, но, запутавшись в сети проволочных заграждений, падали, кувыркались и застревали в таких комических позах, которые при других обстоятельствах вызвали бы смех.

Тогда своим невозмутимо спокойным голосом Вильжуэн скомандовал:

- Огонь!

И поднялась дьявольская пальба.

Привстав немного, Сорви-голова метнул взгляд на своих сорванцов и крикнул:

- Внимание!.. Беречь патроны! Каждому выбрать свою жертву и тщательно целиться.

В то же мгновение по всей линии загрохотали пушки буров, открыв огонь по врагу с дистанции всего лишь в девятьсот метров. На застрявшую в проволочных заграждениях английскую пехоту обрушился ураган снарядов.

Пули поражали солдат одного за другим, ядра косили их целыми рядами.

- Сомкнуть строй!.. - командовали английские офицеры, хладнокровие которых ничуть не изменило им среди этой ужасной бойни.

Унтер-офицеры специальными ножницами перерезали проволоку, громче запели горны, с новой силой загнусавили волынки, и волна окровавленных людей с еще большим ожесточением бросилась на приступ.

Весь путь англичан был усеян телами убитых и раненых; звуки труб сливались с предсмертными воплями людей, с жалобным ржанием искалеченных коней.

Буры встретили это неистовое наступление с непоколебимым мужеством, которое ничто не могло сломить.

Но вот они покинули один за другим три холма, связанных между собой системой защитных укреплений. Буры выполнили этот маневр в изумительном порядке, без малейшего признака смятения, не оставив врагу ни одного убитого или раненого. Они отошли на заранее приготовленные позиции. Все поле, представлявшее собою подход к этим позициям, было заранее тщательно размечено по карте на квадраты, каждый из которых находился на прицеле бурских орудий.

Таким образом, буры превратили эти позиции в неприступную крепость.

Англичане не поняли, что отступление задумано умышленно, с целью заманить их в засаду, о которую неизбежно должны были разбиться их стойкость и упорство. Они были убеждены, что столь желанная победа уже в их руках, и продолжали наступать.

Молокососы также заняли новую позицию. Она господствовала над широким проходом, куда должны были ринуться наступавшие гайлендеры Гордона.

Рядом с капитаном Сорви-голова залег его юный товарищ, Поль Поттер.

Одна и та же мысль промелькнула у них, когда они следили за неистовым натиском гайлендеров Гордона:

«Полковник – герцог Ричмондский».

Взгляды юнцов были прикованы к самой гуще битвы, где они надеялись найти герцога. Он чудился им в каждом офицере, по которому они тотчас же открывали огонь.

Но разве можно распознать человека в этой сумятице! В конце концов оба кончили тем, что стали стрелять во всех офицеров без разбора.

– Перебьем всех офицеров-гордонцев! – воскликнул капитан Молокососов. – Тогда-то уж герцог непременно окажется в числе убитых...

– И мой отец будет отомщен! – в неистовом восторге подхватил сын расстрелянного бура.

Вскоре все войско втянулось в драку, мало походившую на сражение. Никакого руководства. Даже роты потеряли свое боевое единство. В какой-то мере его сохраняли лишь взводы. Большинство бойцов, опьяненных убийством, орудовали каждый на свой страх и риск. Стреляли в упор, схватывались врукопашную. Даже раненые, катаясь в обнимку по земле, давили, душили и кусали друг друга.

В течение какой-нибудь четверти часа буры потеряли двух генералов.

Знаменитый начальник бурской артиллерии Жан Кок, пораженный двумя пулями, в грудь и в бок, испустил предсмертный вздох, воскликнув: «Да здравствует свобода!»

Вильжуэн, тоже раненный в грудь, упал со словами: «Бейтесь до последней капли крови, ребята!»

Утрата этих людей, столь жестокая для дела независимости южноафриканских республик, сопровождалась громом проклятий в адрес англичан.

Последние, впрочем, и так уже дорого поплатились: почти весь офицерский состав англичан был истреблен. На земле распростерлись тела трех полковников, пяти

майоров, одиннадцати капитанов и двадцати шести лейтенантов. Часть из них были убиты, другие ранены.

Из четырнадцати офицеров второго батальона гордонцев уцелели только двое. Один из них казался неуязвимым, несмотря на то что выделялся среди всех своим ростом и блестящим мундиром. Находясь все время в первых рядах, он руководил атакой, спланировал людей, вел их на приступ, подбадривая примером собственного мужества.

Этот офицер – герцог Ричмондский.

Под ним пало уже три коня, он служит мишенью для пятисот стрелков, и все же он остается живым и невредимым, без единой царапины, под стальным дождем снарядов.

Теперь он бился пешим, так как под рукой не осталось ни одного свободного коня. Рядом с ним дрался горделивый юноша, вернее мальчик, судя по внешности, принадлежащий к аристократии, в мундире младшего лейтенанта Гордоновского полка. У него то же, что и у полковника, несколько высокомерное мужество, то же презрение к смерти и, наконец, ярко бросающееся в глаза внешнее сходство.

Очевидно, это отец и сын.

Время от времени, не прекращая ни на секунду выполнять свой долг солдата, герцог бросает на сына взгляд, один из тех красноречивых, хотя и беглых взглядов, в которых можно прочесть и страх за его жизнь и восхищение его мужеством.

Сын уже не первый раз бросается вперед, чтобы прикрыть своим телом отца и начальника.

Но полковник неизменно отстраняет его жестом и кричит:

- На место, Патрик! Вернись к своим людям! Воинский долг прежде всего!

Младший лейтенант тоже невредим. И это также чудо, ибо пули, словно ножом, раскрыли в нескольких

местах его мундир.

В левой руке у него револьвер, в правой – тяжелая шотландская сабля со стальной рукояткой.

В жаркой схватке боя он сталкивается лицом к лицу с капитаном Сорви-голова. Англичанин и француз, смерив один другого взглядом, бросаются друг на друга. Маузер без штыка – единственное оружие француза. Он прицелился и на расстоянии четырех шагов спустил курок. Но в пылу боя он и не заметил, что израсходовал все патроны своего ружья, не оставив даже одного, на крайний случай. Курок щелкнул с сухим треском.

Англичанин тоже выстрелил; это был его последний заряд. Он стрелял почти в упор и все-таки промахнулся.

Капитан Молокососов схватил свой маузер за ствол и, замахнувшись им, как дубиной, обрушил бы смертельный удар на голову шотландца, если бы тот не парировал его саблей. Стальное лезвие разлетелось в куски. Все же шотландцу удалось смягчить удар. Скользя по его плечу, приклад маузера ударился о землю и разбился у самой казенной ^[32] части.

Молодые люди, вскрикнув от бешенства, бросили обломки оружия и схватились врукопашную. Их силы равны, равно и ожесточение. Они падают, вскакивают, снова падают на землю, катаются по ней, крепко обхватив и стараясь задушить друг друга.

Вдруг Сорви-голова заметил на земле обломок только что разбитой им сабли. Рискаю искалечить руку, Жан схватил его и, замахнувшись им, как кинжалом, крикнул:

– Сдавайтесь!

– Нет! – зарычал офицер, бешено отбиваясь.

Жан ударил его острием клинка и снова крикнул:

– Сдавайтесь!.. Да сдавайтесь же, гром и молния!

– Ни за что! – истекая кровью, отвечал шотландец.

Видя, что сын упал, полковник поспешил к нему на помощь с поднятой саблей. Казалось, сейчас он рассекает голову капитана Молокососов, который в исступлении, ничего не замечая, все наносил и наносил противнику ожесточенные удары.

Но юный Поль Поттер спас своего друга.

Этот изумительно хладнокровный подросток в течение всего боя предусмотрительно и спокойно пополнял патронами магазин своего маузера. Он узнал полковника и, взревев от радости, прицелился и выстрелил.

Однако в тот самый миг, когда Поль спустил курок, волынщик, не перестававший наигрывать боевой марш гайлендеров Гордона, бросился вперед, чтобы заслонить собой своего начальника.

Это был красивый семнадцатилетний малый с румяным лицом, почти мальчик, как и большинство участников этой страшной драмы. Пуля, пронзив его навывлет немного выше сердца, угодила полковнику прямо в грудь.

Несчастный волынщик уронил свой инструмент и, зажав рукой рану, хрипло простонал:

- О, мама... бедная моя мама! Я умираю... Я знал, что это случится...

В то же мгновение герцог Ричмондский зашатался и, взмахнув руками, опрокинулся навзничь.

- Прощай, Патрик!.. Прощай, мой любимый!.. - с усилием вымолвил он.

Еле дышавший Патрик сквозь красный туман в залитых кровью глазах увидел, как упал его отец. Отчаянным усилием он вырвался из рук Жана Грандье, приподнялся на одно колено и тут заметил юного Поля, ружье которого еще дымилось.

Голосом, прерывающимся от рыданий, он воскликнул:

- Да будь ты проклят, убийца моего отца!

- Он убил моего! - ожесточенно возразил юный бур.

Но Патрик уже не слышал; кровавая пелена все гуще застилала его взор, прерывалось дыхание, и он упал без чувств к ногам капитана Молокососов.

Ярость Жана Грандые мгновенно угасла. Победенный противник был для него всего лишь страждущим человеком, душевные и физические раны которого священны. Сорви-голова тотчас же кликнул санитаров.

Они прибежали и, оказав первую помощь раненому, уложили его на носилки.

Снова слышались жалобные стоны умирающего волынщика. Слабеющим голосом он звал свою мать; похолодевшими уже руками он достал из кармана еще не запечатанное письмо и, протянув его Полю, пробормотал:

- Моей бедной маме... отправьте... умоляю вас...

- Клянусь! - ответил юный бур, в глазах которого блеснули слезы.

- Благодарю... - прошептал умирающий.

Кровь двумя алыми струйками брызнула из его пронзенной груди, на губах показалась пурпурная пена, глаза остекленели, и все тело содрогнулось в предсмертной конвульсии.

- Письмо... мама... - в последний раз пробормотал он коснеющим языком.

И, сжав кулаки, вытянулся и умер.

На этом участке борьба окончилась поражением шотландцев. Остатки гордонцев стали поспешно отступать.

Буры, гуманность которых, проявленная во время этой войны, завоевала им всеобщую симпатию, поспешили оказать помощь раненым.

Сорви-голова влил Патрику в рот несколько капель спирта. Шотландец вздрогнул, открыл глаза, узнал своего противника и, прочитав у него в глазах

бесконечное сострадание, схватил его за руку и тихим, как дыхание, голосом произнес:

- Что с отцом?

- Пойду узнать... Сейчас вернусь.

Сорви-голова побежал к месту сражения и, найдя полковника среди груды тел, заметил, что тот еще дышит. Он поручил его санитарам, а сам уже собирался вернуться к Патрику, чтобы сообщить ему, что отец его жив и надежда на его выздоровление еще не потеряна, когда раздавшееся поблизости рыдание заставило его оглянуться. Он увидел Поля, который, стоя на коленях возле тела волынщика, читал посмертное письмо шотландца к матери.

- На, прочти, - сказал Поль, увидев Жана Грандые. - Как это ужасно!..

И Сорви-голова, взяв из его рук письмо, прерывающимся от волнения голосом прочитал:

«Под Ледисмитом, 23 ноября 1899 г.

Милая мамочка, сегодня не ваша очередь, сегодня я должен бы писать отцу. Но я не могу не писать вам, потому что какое-то предчувствие говорит мне, что это последнее мое письмо. Не понимаю, что со мной происходит; я здоров и чувствую себя превосходно. Но прошлой ночью я видел страшный сон... Мне кажется, что завтра буду убит. Так тяжело на душе, и сердце ноет... Только что я выходил из палатки - стоит чудная ночь. Я глядел на синее ясное небо, на яркую звезду над моей головой и подумал, милая мама, что она смотрит сейчас и на вас, и мне захотелось тоже взглянуть на вас...

Если бы вы только знали, что здесь творится!.. На днях возле меня в окопе упал один солдат моей роты. Он не умер сразу;

осколок снаряда попал ему в живот. О, как страшно было смотреть на него!.. Он рыдал, умоляя врача прикончить его, чтобы избавить от страданий, и даже сам доктор не мог удержаться, чтобы не сказать: «Воистину проклятая штука война!»

И знаете, дорогая мама, мне очень не хотелось бы умереть такой смертью. Я думаю, вам было бы очень больно, если бы вы узнали об этом. Я хотел бы умереть побыстрее, чтобы не слишком долго страдать.

Но будьте покойны: что бы ни случилось, я честно исполню свой долг до конца. И хотя мне очень жаль покинуть вас, я все же счастлив, что отдал свою жизнь за нашу королеву и Великобританию.

Прощайте же, милая мама, крепко вас целую.

Джимми».

- И это я убил его! - дрожащим от слез голосом сказал юный бур. - Как ужасно! Сердце разрывается... И все-таки где-то в глубине души я чувствую, что только исполнял свой долг.

- Верно, Поль, и ты выполнил его с честью, - ответил Сорви-голова, указав рукою на отступавшие по всей линии английские войска.

Королевская армия разбита. Ее потери - две тысячи человек и двенадцать пушек. Бессовестные политиканы, рыцари разбоя и наживы, развязавшие эту войну, могут быть довольны!

Грохот сражения сменился мертвой тишиной. Англичане, потерпевшие еще одно поражение, в беспорядке отступили в Ледисмит. Буры укрылись в своих неприступных укреплениях, с замечательным

искусством возведенных вокруг Ледисмита. Это был своего рода укрепленный лагерь, охраняемый выдвинутыми вперед «патрулями»^[33].

В лагере закипела мирная жизнь. На скорую руку исправляли всякие повреждения, чистили орудия, перевязывали раненых коней, чинили разорванную одежду, подлечивали раны. С невозмутимым спокойствием люди готовились к новой битве.

Под защитой холма, прикрывающего их от снарядов, вытянулись четыре большие палатки, над которыми развевался белый флаг с изображением красного креста.

Это бурский походный госпиталь.

В каждой палатке до сотни раненых – буров и англичан, причем последних вдвое больше. Все они лежат кто на маленьких походных койках, кто на носилках, а кто и прямо на земле. Примиренные одинаковыми страданиями, буры и англичане относятся теперь друг к другу без всякой вражды.

Все раненые перемешаны здесь по-братски: рядом с бородатыми, заросшими до самых глаз бурами королевские стрелки атлетического сложения, краснощекие юноши и рослые шотландские горцы, отказавшиеся сменить свой национальный костюм^[34] на форму хаки. Бледные, исхудавшие, потеряв много крови, они мужественно подавляют стоны, боясь, очевидно, уронить жалобами свое национальное достоинство.

Глава 6

Бурский походный госпиталь. - Современные ранения. - Доктор Тромп. - «Гуманная пуля». - Об одном оригинале. - На войне идут умирать всегда одни и те же. - Чудесные исцеления. - Последствия ранений осколками. - Душа англичанина. - Непризнанные герои. - Ночной выстрел

И среди всех этих страдальцев бесшумно сновали скромные ловкие женщины, исполненные сочувствия к несчастным и желая помочь им. Они разносили чашки с укрепляющим бульоном, сосуды с разведенной карболовой кислотой, компрессы.

Это жены, матери и сестры бойцов, покинувшие фермы, чтобы идти вместе с близкими им людьми на войну. С одинаковым самоотвержением ухаживали они не только за своими, но и за теми, кто угрожал их жизни и свободе.

Ждали доктора. В одну из палаток вихрем влетел Жан Грандые в сопровождении своего неразлучного друга Фанфана. Хотя юный парижанин еще прихрамывал и волочил ногу, он был счастлив, что не числился уже больным. А в ожидании того дня, когда, оправившись окончательно, он смог бы вернуться к своей суровой службе разведчика, Фанфан взялся за работу санитаря полевого госпиталя.

Взгляд капитана Молокососов тотчас же устремился к двум койкам, стоявшим рядом в центре палатки. На одной из них лежал герцог Ричмондский, на другой - его сын.

Герцог, казалось, умирал. Из его груди вырывалось тяжелое дыхание; бледный как полотно, он сжимал руку с отчаянием глядевшего на него сына.

Сорви-голова, быстро подойдя к ним, снял шапку и сказал молодому человеку:

- Простите, я запоздал. Я прямо с дежурства. Как себя чувствуете?

- Неплохо... Вернее, лучше... Благодарю. Но мой бедный отец... Взгляните!

- Доктор сейчас придет. Он обещал мне заняться вашим отцом в первую очередь. Я уверен, он извлечет пулю.

- Благодарю вас за участие! Вы благородный и честный противник. От всего сердца благодарю вас! - сказал молодой шотландец.

- Ба! Есть о чем говорить! На моем месте вы, наверное, поступили бы так же.

- Судя по вашему произношению, вы француз?

- Угадали.

- В таком случае мне особенно дорого ваше дружеское расположение. Вы даже не представляете себе, как мы с отцом любим французов! Однажды вся наша семья: отец, сестра и я, очутились в страшном, прямо-таки отчаянном положении. И французы вырвали нас буквально из объятий смерти.

- А вот и доктор! - воскликнул Сорви-голова, тронутый доверием, оказанным ему его вчерашним противником.

Они оглянулись на вошедшего. Это был человек лет сорока, высокий, сильный, ловкий в движениях, с чуть обозначившейся лысиной, со спокойным и решительным взглядом; плотно сжатые губы его оттенялись белокурыми усами. За спиной у него висел карабин, а на пояском ремне - туго набитый патронташ. Всем своим видом он походил скорее на партизанского главаря, чем на врача. Ни галунов, ни нашивок, ни каких бы то ни было других знаков отличия.

Голландец из Дортрехта^[35], ученый-энциклопедист и замечательный хирург, доктор Тромп после первых же выстрелов в Южной Африке прибыл в Оранжевую республику и вступил добровольцем в армию буров. Он мужественно сражался в ее рядах вместе со своими собратьями – бурами, а в случае необходимости превращался во врача. Добрый, человеколюбивый, самоотверженный, он страдал только одним недостатком – был неисправимым болтуном. Впрочем, недостаток ли это? Он, действительно, по каждому поводу мог разразиться целым потоком слов, но мысли его были настолько интересны, что все его охотно слушали.

Доктор достал из подвешенного под патронташем холщового мешка свои медицинские инструменты, быстро разложил их на походном столике и сразу же потерял свой воинственный вид.

Со всех сторон к нему неслись теплые слова приветствия; вокруг него хлопотали санитарки. Одна принесла ему воды, в которую он погрузил губку, другая зажгла большую спиртовку. Добродушный доктор улыбался направо и налево, благодарил, отвечал на приветствия, мыл руки и приговаривал:

– Раствор сулемы! Превосходное антисептическое средство!.. Я к вашим услугам, Сорви-голова... Так. Отлично. Теперь оботрем губкой лицо.

Прокалив затем на спиртовке свои инструменты, он направился к полковнику.

Раненые, лежавшие поближе, заворчали.

– Терпение, друзья! Позвольте мне прежде сделать операцию этому джентльмену. Кажется, он при смерти...

У превосходного врача была своеобразная манера преподносить больным горькие истины.

С помощью Жана Грандые и Фанфана он усадил раненого на кровати, поднял его рубашку и, обнажив торс, воскликнул:

- Великолепная рана, милорд! Можно подумать, что я сам нанес ее вам, чтобы мне легче было ее залечить. Нет, вы только взгляните! Третье правое ребро точно резцом проточено. Ни перелома, ни осколка! Одно только маленькое отверстие диаметром в пулю. Затем пуля прошла по прямой через легкое и должна была выйти с другой стороны. Нет?.. Куда же она в таком случае девалась? Странная история... Ба! Да она застряла в середине лопатки. Сейчас я извлеку ее... Потерпите, милорд. Это не больнее, чем когда вырывают зуб. Раз... два... Готово!

Глухой хрип вырвался из уст раненого; конвульсивным движением он до боли сжал руку сына.

Из раны брызнула сильная струя крови, и одновременно раздался тихий свистящий вздох.

- Чудесно, - продолжал хирург, - легкое освободилось... Дышите, полковник, не стесняйтесь!

Офицер глубоко вздохнул, в его глазах появилась жизнь, щеки слегка порозовели.

- Ну как, легче теперь, а?

- О да! Гораздо легче.

- Я так и знал!.. Ну, что вы теперь скажете, Сорви-голова? А? Терпение! Немного терпения, ребята...

Он говорил без умолку то по-английски, то по-голландски, то по-французски, но делал при этом все же гораздо больше, чем говорил. Обратившись к шотландцу, он произнес:

- Через три недели вы будете на ногах, милорд. Видите ли, эта маузеровская пуля - прелестный снарядец и притом же чистенький, как голландская кухарка. Благодаря своей огромной скорости - шестьсот сорок метров в секунду! - он, как иголка, проходит через живую ткань, не разрывая ее. Ничего общего с

этим дурацким осколочным снарядом, который все рвет и ломает на своем пути. Нет, решительно, маузеровская пуля очень деликатная штука... словом, а gentlemanly bullet^[36].

И неумолчный говорун, ни на секунду не прерывая потока слов, вставил в отверстия, пробуравленные пулей при ее входе и выходе, большие тампоны гигроскопической ваты, пропитанной раствором сулемы, затем наложил на них обеззараживающие компрессы и закончил очередную перевязку словами:

- Вот и все! Диета? Супы, молоко, сырые яйца, немного сода-виски... А через восемь дней - ростбиф, сколько душа запросит. Благодаря вашей крепкой конституции у вас даже не повысится температура.

И, не дожидаясь благодарности, этот чудака крикнул: «Следующий!» - и перешел к другому больному.

- А вы, Сорви-голова и Фанфан, за мной!

Молодой лейтенант, изумленный этим потоком слов, но еще более восхищенный счастливым исходом дела, нежно обнял отца. А доктор и его случайные помощники продолжали обход.

На каждом шагу им приходилось сталкиваться с необычайно тяжелыми на вид ранениями. Современная баллистика^[37] словно глумилась над современной хирургией.

Четыре дня назад один ирландский солдат во время стычки на аванпостах был поражен пулей, попавшей ему в самое темя. Пуля пронзила мозг, небо, язык и вышла через щеку. Положение раненого считалось безнадежным.

В той же стычке другой ирландец был ранен в левую сторону головы. Пуля прошла через мозг и также вышла с противоположной стороны^[38].

- Ну, что вы на это скажете, молодые люди? - с гордостью воскликнул доктор. - В былые времена, при старинном оружии, головы этих молодцов разлетелись бы, как тыквы. А деликатная, гуманная маузеровская пулька сумела нежно проскочить сквозь кости и мозговую ткань, причинив моим раненым только одну неприятность: временно лишив их способности нести боевую службу.

- Сногсшибательно! - воскликнул Фанфан, не веря своим ушам.

- Изумительно, - согласился Сорви-голова.

- Через две недели они будут здоровы, как мы с вами! - торжествовал доктор.

- И даже без осложнений? - спросил Сорви-голова.

- Даже без мигрени! - ответил доктор. - Я, впрочем, опасаюсь, как бы один из них не стал страдать страбизмом.

- То есть, попросту говоря, не окосел?

- Да, да, вот именно - не окосел. Именно так.

- Но какой же тогда смысл воевать, если мертвые воскресают, а убитые, восстав, получают возможность биться с новой силой? - изумился Жан.

- Напротив, раз уж наша идиотская и звериная цивилизация не в силах избавиться от такого бича, как война, надо по крайней мере сделать это бедствие как можно менее убийственным. В чем, в конце концов, цель войны? На мой взгляд - в том, чтобы вывести из строя возможно большее количество воюющих, а не в том, чтобы уничтожить их. Значит, вовсе не надо уничтожить всё и всех, чтобы одержать победу. Достаточно помешать в течение некоторого времени противнику драться, остановить его наступление, уменьшив количество его солдат. Таким образом, приобрело бы реальность фантастическое изречение одного ворчуна-генерала: «На войну идут умирать всегда одни и те же».

- А вот еще более удивительный случай! - воскликнул хирург, исследуя одного шотландского солдата.

- Да разве он ранен, доктор? - удивился Жан.

Солдат спокойно потягивал свою трубку и, казалось, чувствовал себя совсем неплохо. На его шее зияла рана, нанесенная «гуманной» пулей.

Пуля вошла чуть повыше левой ключицы в то время, когда гордонец в ожидании атаки, лежал, прижавшись к земле.

Доктор принялся искать «выходное» отверстие и нашел его немного повыше правого бедра, в двух сантиметрах от подвздошной кости.

- Смотрите-ка! - восхищенно воскликнул он. - Пуля пробила себе дорогу через легкие, брюшину, кишки, через таз и, наконец, через подвздошную кость. Таким образом, этот бравый горец прошил ею сверху донизу, сзади и спереди. Тут уж нам и вовсе нечего делать...

- Значит, он обречен? - печально спросил Сорви-голова.

- Напротив! Встанет на ноги без малейшего хирургического вмешательства, которое только повредило бы ему. Постельный режим. Диета: супы, сырые яйца, сода-виски и, разумеется, трубка, раз уж он такой курильщик. Продолжайте в том же духе, мой мальчик, и поправляйтесь. Следующий!

У этого поражена была печень.

- Тут нам тоже нечего делать. Иначе говоря, вмешательство излишне. Постельный режим, антисептика и поначалу легкая пища... Рана в пояснице? Такое же лечение. Ранение желудка? И в этом случае ничего другого рекомендовать не могу.

И при этом доктор каждый раз неизменно добавлял:

- Отлично. Все идет как по маслу. Быстрое и верное излечение.

Но вот он подошел к группе буров, лежавших на матрацах прямо на земле:

- Черт возьми, вот это мне уже не нравится!

Их было пятеро. Изуродованные, окровавленные, искалеченные, они без малейшего стога переносили ужасные страдания.

Это были жертвы крупнокалиберного английского снаряда, который попал в кучку солдат и, разорвавшись, убил наповал десять человек. Эти - единственные, оставшиеся в живых. Но, боже, в каком они состоянии!

Растерзанные мышцы, раздробленные кости, разорванные сосуды - страшное месиво из мяса, обломков костей, тряпья и сгустков запекшейся крови. Вид этих несчастных был так страшен, что у Фанфана и Сорви-голова сжалось сердце.

Даже доктор утратил свой дар красноречия и умолк: несмотря на профессиональную выдержку, он был не в силах скрыть волнение.

Один, лишь с помощью Фанфана и Жана Грандые, исполненных усердия, но близких к обмороку от жалости и страха, доктор приступил к своей работе.

Что за ужасная работа! Он ампутировал конечности, резал живое тело, рылся в нем в поисках осколков или разорванной артерии, накладывал швы. Ему приходилось теперь иметь дело с огромными повреждениями, трудность излечения которых увеличивалась неизбежными осложнениями. Прибавьте к этому два потрясения: шок, причиненный ранением, и шок, вызванный самой операцией. Они ослабляют больного и уменьшают силу сопротивления организма, этого могущественнейшего помощника хирургии. А тут еще сильная потеря крови, вконец истощающая раненого.

Как долго тянулись и как мучительны были эти операции, производившиеся без наркоза! Но

бесстрашные буры со свойственным им мужеством стойко переносили все страдания.

Закончив тяжелые операции, доктор Тромп направился к младшему лейтенанту, терпеливо ожидавшему своей очереди. Его левая ключица была надломлена ударом; который нанес ему Сорви-голова прикладом маузера; не действовала рука; грудь была исполосована глубокими ранами, нанесенными обломком сабли, превратившимся в руках капитана Молокососов в опасное оружие.

Доктор тщательно промыл раны обеззараживающим раствором и наложил тугую повязку, чтобы воспрепятствовать проникновению в них болезнетворных микробов. Затем, покончив наконец с печальными обязанностями врача, он вскинул на плечи свой карабин, нацепил на поясной ремень патронташ и уже готов был вновь наносить с помощью маленькой «гуманной пули» человеколюбивые раны, которыми он так восхищался, исцеляя их.

Сорви-голова и младший лейтенант гайлендеров сразу же почувствовали взаимную симпатию, несмотря на то, что во время первого своего знакомства они, мягко выражаясь, так неучтиво обошлись друг с другом.

Оба молодые, почти мальчики, в высшей степени храбрые и прямые, они были решительными противниками во время битвы. Но их благородным натурам чужда была и ненависть оскорбленного самолюбия, и низкая злоба расовой вражды. Отвага одного возбудила в другом лишь чувство уважения. Теперь уже не существовало ни англичанина, ни француза-бура, ни победителя, ни побежденного, а были двое отважных юношей, ставших друзьями.

Прошло около недели.

Ежедневно в свободное от службы время Сорви-голова часами просиживал у изголовья раненого,

который встречал его неизменной улыбкой и дружеским рукопожатием.

Патрику становилось лучше, точно так же как и его отцу, хотя выздоровление последнего шло гораздо медленнее, чем предсказывал слишком уж оптимистически настроенный доктор.

Сорви-голова приносил им новости, стараясь чем только можно облегчить участь пленников. В дружеской беседе незаметно шло время. Патрик рассказывал о своих приключениях в Индии, Жан – о том, что пережил в стране «Ледяного ада». Все это – к немалому возмущению Поля Поттера, непосредственная и простая натура которого никак не могла примириться с этой дружбой между вчерашними смертельными врагами.

Ненависть к завоевателям пылала в душе юного бура с той же силой, как и в первый день их вторжения. Это чувство патриота обострялось еще ненавистью к убийце его отца. Ничто не могло ни смягчить, ни тронуть его. Затаив в душе мщение, он шел к намеченной цели, не сворачивая, и сожалел лишь о том, что пуля, уложившая во льна, не покончила также и с полковником.

Неудивительно поэтому, что в его отношениях с начальником появился заметный холодок. А в душе его зрел мрачный план мести герцогу Ричмондскому.

Офицеры-шотландцы, в свою очередь, не могли понять как это Жан Грандье, образованный и богатый человек, мог до такой степени увлечься борьбой каких-то мужиков южноафриканских республик за свою независимость.

Однажды Патрик, желая объясниться, со своей обычной прямоотой спросил Жана:

– Вы ненавидите Англию?

– Нисколько. Англия – великая страна, и я восхищаюсь ею. Но теперь она ведет несправедливую

войну, и потому я сражаюсь против нее.

- Но это наше внутреннее дело: мы подавляем бунт в своей стране.

- Отнюдь нет. Буры не являются подданными Англии, следовательно, их нельзя рассматривать как мятежников.

- Не будем играть словами, - возразил Патрик. - Южноафриканские республики находятся в самом центре сферы английского влияния, и мы считаем, что они составляют неотъемлемую часть королевских владений.

- Но, черт возьми, тут я не согласен с вами!

- Напрасно! Они наши на том же основании, что и Бечуаналенд^[39], и Родезия^[40], и Капская^[41] земля, и Англо-Египетский Судан^[42], и другие аннексированные империей территории. И разве буры не такие же дикари? Это тупые крестьяне, безграмотные в своей массе, отказавшиеся от благ современной цивилизации, нравственно и физически нечистоплотные люди, закосневшие в своих примитивных способах производства... Да, да, повторяю - дикари, вернее, белые, вернувшиеся к первобытному состоянию. Мы, англичане, ставим их не выше краснокожих, или арабов, или каких-нибудь кочевников Центральной Азии...

При этих словах Сорви-голова вспыхнул, потом побледнел и готов уже был взорваться и выложить собеседнику начистоту свое возмущение, однако сдержался и, решив юмористически парировать этот выпад, ответил добродушным тоном:

- Но, милейший, эти дикари пользуются электричеством, строят железные дороги, у них есть типографии, они производят современное вооружение... Забавные дикари, не правда ли? Думаю, что они неплохо выглядели бы и в Европе, хотя бы, например, в вашей Ирландии! А?.. Что же касается главы этих

«дикарей» – президента Крюгера, то князь Бисмарк ставил его куда повыше биржевых спекулянтов, этих вождей европейских сиу^[43]. А Бисмарк разбирался в людях!

– О, Крюгер! Бесхвостая макака!.. Шут, еще более смешной и нелепый, чем его изображают карикатуристы.

– А буры находят, что он самый прекрасный человек обеих республик, как и вы, вероятно, видите в своей королеве Виктории самую прекрасную женщину Соединенного королевства. Охотно присоединяюсь к обоим суждениям: старый бур и старая английская леди прекрасны, как полубоги, но каждый в своем роде.

Этот меткий ответный удар так точно попал в цель, что ни отец, ни сын не нашли слов для возражения.

После неловкого молчания полковник обрел наконец дар речи.

– Все это только слова, мой юный друг, – задумчиво произнес он, – одни слова. Война – страшная вещь, и тот, кто начинает ее, должен быть неумолим. Мой сын прав: буры – бунтовщики и дикари, и мы должны уничтожать их как бунтовщиков и дикарей. Мы пришли сюда не для того, чтобы сентиментальничать. Мы сражаемся здесь за самое существование Британской империи, и последнее слово в этой войне скажем мы, хотя бы ради этого нам пришлось принести в жертву двести тысяч человеческих жизней и потратить двести миллионов фунтов стерлингов.

Сорви-голова вторично был вынужден подавить свое негодование.

Он как бы воочию увидел пропасть, которая отделяла его от джентльмена, только что обнажившего перед ним всю свою высокомерную, эгоистическую и жестокую душу английского аристократа. Жан вдруг

почувствовал такой приступ возмущения, что голос его задрожал:

- Не говорите так, милорд! Посмотрите, как добры и человечны к пленным эти патриоты, которых вы хотите уничтожить. Они усердно ухаживают даже за вами, несмотря на то, что вы так безжалостно поступили с фермером Давидом Поттером.

- Это был мой долг председателя военного суда, который я готов исполнить снова хоть завтра.

- Вы снова приказали бы убить, почти без суда и следствия, патриота, лишить семью супруга и отца только потому, что он защищал свою жизнь и свободу?

- Без колебания! В полном соответствии с волей ее величества королевы, желающей завоевать и окончательно присоединить к своим владениям обе республики.

Сорви-голова вскочил, готовый на решительный отпор. Его остановил чей-то крик, раздавшийся извне:

- Ты никого больше не убьешь, английский пес!

Угроза была произнесена дрожащим от ярости голосом. Капитану разведчиков показался знакомым этот юношеский голос.

Очевидно, кто-то подслушивал их разговор, стоя за тонкой полотняной стеной палатки.

Сорви-голова поспешно вышел, не сказав ни слова, отчасти для того, чтобы узнать, кто кричал, но больше с целью прервать этот возмущавший его разговор.

- Не сердитесь же! - крикнул ему вдогонку Патрик. - Все это ничуть не относится к вам. Лично вас мы глубоко уважаем. А угрозы мы не боимся. Каждый бур в этом лагере отлично знает, как жестоко поплатятся за убийство герцога Ричмондского буры, находящиеся у нас в плену.

Но до капитана Сорви-голова не дошел смысл этих слов.

В ушах у него шумело, лицо пылало от негодования. Машинально он обошел вокруг большой прямоугольной палатки, в которой помещался госпиталь, но никого не встретил.

Незнакомец, подслушивавший разговор, исчез. Тем не менее наблюдательный Сорви-голова увидел резко выделявшееся на белизне полотна черное пятно, словно нанесенное углем.

Возможно, это было старое, не замеченное раньше пятно. Да и теперь оно бросилось ему в глаза только потому, что, как показалось Жану, пятно это находилось у того места палатки, где стояли кровати полковника шотландцев и его сына. Впрочем, Жан не придал никакого значения этому открытию, весьма существенному для герцога, которого Жану не суждено было больше увидеть.

Вечером того же дня Сорви-голова ушел на ночное дежурство с десятью Молокососами. С ними должен был идти и Поль Поттер. Однако юный бур, всегда добросовестно исполнявший свои воинские обязанности, почему-то не явился на перекличку. Это случилось с ним впервые.

Было около десяти часов вечера. Над обоими лагерями нависла тишина. Сквозь дымчатые облака струился мягкий свет луны.

Вдруг из ложбины, прикрывавшей госпиталь, выскользнула какая-то безмолвная тень и быстрым, решительным шагом направилась к палатке, в которой спали полковник и его сын.

Человек шел босиком, вероятно, для того, чтобы не шуметь, и с ружьем на перевязи. Подойдя к палатке, он оглянулся и, убедившись, что никто не следит за ним, остановился у черного пятна, несколько часов назад замеченного капитаном Сорви-голова.

Он достал из кармана нож и с бесконечными предосторожностями, не спеша, нитку за ниткой стал

разрезать толстую ткань палатки. Когда образовалось отверстие, достаточное, чтобы просунуть сквозь него руку, он заглянул внутрь палатки, освещенной тусклым светом ночников. Как раз против него стояла кровать, покрытая той клетчатой материей, из которой делается военная форма шотландцев.

Легкая дрожь пробежала по телу полуночника, когда он узнал мужественное лицо крепко спавшего полковника.

Обнаженная голова шотландца находилась всего в тридцати сантиметрах от полотна.

Без малейшего колебания незнакомец просунул в отверстие ствол своего ружья, приставил его к голове полковника и твердой рукой спустил курок.

Грянул выстрел, удушливый пороховой дым поплыл по палатке.

Поднялась невообразимая суматоха, и сестры милосердия, прибежавшие на крики испуганных больных, увидели младшего лейтенанта гордонцев бьющимся в жестокой истерике у тела своего отца, распростертого на кровати с пробитой головой...

Глава 7

О том, к чему приводит излишняя бдительность. – Слишком сильное увлечение разведкой. – Пленник. – У англичан. – Известность, которая доставляет неприятности. – Неожиданные последствия некоторых писем. – Два члена военного суда. – Что понимают англичане под выражением «подколоть свинью». – Варварское обращение. – Генерал. – Великодушный враг. – «Вольно!»

В то время, когда так трагически погиб полковник герцог Ричмондский, Сорви-голова стоял на часах у самого переднего края.

Буры – храбрые, но беспечные воины – были плохими сторожами и разведчиками. Впрочем, дисциплина вообще не пользовалась особенно большим уважением в этой скроенной по-семейному армии. Приказы командиров выполнялись спустя рукава, а часовые были далеки от сознания лежащей на них огромной ответственности, которое свойственно дозорным европейских армий.

Трудно поверить, но именно наши юные сорванцы лучше всех справлялись с этой нелегкой задачей. Их бдительность никогда не ослабевала. И начальники бывали спокойны, когда ночная охрана бурского лагеря поручалась Молокососам.

В тот вечер Сорви-голова, который, подобно истому сыну могикан, смотрел во все глаза, заметил в зоне, разделяющей передовые линии обеих воюющих сторон, какие-то медленно движущиеся серые тени. Луна скрылась за облаками, стало темно.

Капитан Молокососов решил разобраться, в чем дело.

Лучше всего, конечно, пойти самому и посмотреть. Средство верное, но рискованное. Можно как раз угодить под перекрестный огонь буров и англичан.

И все же Сорви-голова отправился, взяв с собой юнгу Финьоле, бура Иориса, итальянца Пьетро, португальца Гаetano и креола из Реюньона. Все шестеро скинули маузеры, которые стесняли бы их движения во время разведки, оставив при себе только револьверы.

И вот они поползли, сдерживая дыхание, с чисто кошачьей ловкостью обходя малейшие препятствия.

Они продвинулись таким образом на триста-четыре метра, когда Сорви-голова, находившийся впереди, различил шагах в двадцати от себя какую-то темную массу. Вглядевшись, Жан убедился, что ему навстречу, распластавшись на животе, ползет человек. Легкий, еле слышный шелест выдавал каждое его движение.

Благоразумие требовало от Жана Грандые сомкнуть линию разведки и поднять тревогу. Разведчик должен по возможности избегать боя.

Но попробуйте говорить о благоразумии с парнем, который на каждом шагу так и ищет случая оправдать свое энергичное и славное прозвище!

«Английский разведчик! – мелькнуло в голове Жана. – Я в два счета подцеплю его и возьму в плен».

Сорви-голова поднялся, в несколько гигантских прыжков очутился возле английского разведчика, бросился на него и что есть силы сдавил в своих объятиях. Но что за чудо! Его пальцы ощутили лишь пустоту, вернее – рыхлую грубошерстную ткань, по всей вероятности одеяло. Однако вместе с тем он почувствовал и сопротивление.

Чьи-то невидимые руки тянули к себе одеяло, очевидно, за привязанные к нему бечевки.

- Меня провели! - прошептал Сорви-голова, постигший наконец легкомысленность своего поведения.

Увы, провели не его одного! Его товарищи точно так же, как и он, полонили вместо вражеских разведчиков тряпье.

Но к чему эта уловка?

Только для того, чтобы заманить их, взять в плен и напасть затем на бурских часовых, мирно дремавших с трубкой во рту.

Все произошло в несколько секунд.

Два взвода англичан - о, эти не скрывались! - окружили капитана Молокососов и его товарищей, схватили и повалили их прежде, чем они успели крикнуть.

Насмешливый голос сказал по-английски:

- Эти юные болваны попались на удочку.

Полузадушенный Сорви-голова зарычал от бешенства.

- Молчание или смерть! - приказал тот же голос. - Вперед, и без шума!

Сорви-голова понял грозившую бурам опасность. Во что бы то ни стало надо предупредить их, поднять тревогу, хотя бы ценою собственной жизни.

Подобно рыцарю Д'Ассасу^[44], он ни минуты не колебался.

Отчаянным усилием он вырвался из рук солдата, сжимавшего его горло, и пронзительно закричал:

- Тревога!.. Тревога!.. Англичане!..

Солдат занес саблю над его головой и непременно рассек бы ее, если бы Сорви-голова не уклонился. В то же мгновение он выхватил свой револьвер и, выстрелив в упор, убил солдата. Потом, чувствуя, что все равно пропал, Жан крикнул насмешливо:

- Не вышло! Испорчен сюрприз, господа англичане!.. Навсегда запомните эту последнюю шутку, которую сыграл с вами Сорви-голова!

Он сделал было попытку выпустить во врагов еще несколько оставшихся в револьвере пуль, чтобы как можно дороже продать свою жизнь, но множество рук уже схватили его. В то же мгновение десятки здоровенных кулаков обрушились и на других Молокососов.

Жана, вероятно, прикончили бы тут же, если бы до чьих-то ушей не дошло так гордо брошенное им слово: «Сорви-голова».

- Не убивайте его! Это Брейк-нек^[45]! Тому, кто приведет его живым, обещано двести фунтов! - завопил кто-то истошным голосом.

Жану повезло, он оказался счастливей героя Клостеркампа: он жив и знает, что принесенная им жертва не оказалась напрасной, - буры услышали его крик и выстрел.

В бурском лагере уже протрубили тревогу. Мгновенно ожили окопы, загревели выстрелы, загудели большие пушки... Ночная атака была отбита.

Но Сорви-голова и его товарищи попали в плен. Навсегда умолкли креол из Реюньона и молодой итальянец Пьетро. Один только капитан Брейк-нек, как называли англичане Жана, мог самостоятельно передвигаться, остальные были в таком состоянии, что их пришлось нести.

Вот они уже в английском лагере. По тому, как часто повторялось его имя английскими солдатами, капитан Молокососов понял, что он пользуется тут столь же почетной, сколь и опасной популярностью.

Пленников побросали как попало в каземат, стены которого были выложены, словно блиндаж,

железнодорожными рельсами, и заперли, не дав ни корки хлеба, ни глотка воды.

Бедные сорванцы провели тяжелую ночь; их мучила жажда, они истекали кровью и задохнулись. Сорви-голова утешал и подбадривал товарищей, насколько это было возможно, но, несмотря на все старания, так и не смог перевязать их раны в этой крошечной тьме.

Наконец наступил день. Разумеется, он облегчит их участь!

Первым из каземата извлекли капитана Сорви-голова. Его привели к офицеру.

Судя по форме доломана цвета хаки, на эполетах которого вышиты две золотые звезды, это был драгунский капитан. С нескрываемой иронией он разглядывал капитана Молокососов, которого окружили четыре английских солдата, прямые, как деревянные истуканы, и надменные, как истые англичане.

Вдоволь наглядевшись, драгунский капитан без дальних околичностей приступил к допросу:

- Так, значит, вы и есть тот самый француз, известный под именем «Сорви-голова», командир интернационального отряда юных волонтеров?

- Да, это я! - гордо ответил Жан Грандье, глядя прямо в лицо офицеру.

Офицер зловеще улыбнулся, расстегнул свой доломан, вынул из внутреннего кармана небольшой бумажник и достал оттуда сложенную вдвое визитную карточку.

С нарочитой и насмешливой медлительностью он разогнул ее и, поднеся к глазам Жана Грандье, произнес:

- Значит, вы - автор этого фарса?

Сорви-голова узнал одно из писем, которые он разослал после смерти Давида Поттера пяти членам военного суда.

Он напоминал в этом письме, что бур приговорил к смерти своих судей, а он, Сорви-голова, исполняя последнюю волю своего друга, поклялся истребить их всех.

Слово «фарс» прозвучало в ушах Сорви-головы как пощечина. Он покраснел и крикнул:

- Этот фарс кончится вашей смертью!

- Я капитан Руссел, - продолжал, улыбаясь, офицер, - командир второй роты седьмого драгунского полка. Как видите, осужденный на смерть чувствует себя неплохо.

- Поживем - увидим, - без признака смущения ответил Жан.

- Милый мой французик, вы настоящий хвостун! Советую вам прекратить эти шутки. Вам не удастся взбесить меня, честное слово! Скорее вы добьетесь кнута.

- Человека, голову которого оценили в двести фунтов, не наказывают кнутом... Между прочим, моя голова стоит гораздо больше. Кроме того, я - солдат и требую, чтобы со мной обращались, как подобает обращаться с пленным воином. Я убил столько ваших людей, что вполне заслуживаю такого обращения.

Офицер слегка побледнел, закусил ус и, перестав наконец улыбаться, отрывисто, точно пролаял, крикнул:

- Нужна информация! Отвечайте! Отказываться не советую. Все равно заставим.

- Спрашивайте!

- Сколько буров против наших линий?

- Восемь дней назад их было вполне достаточно, чтобы побить вас, хотя вас было во много раз больше.

Офицер побледнел еще сильнее.

- Сколько у вас ружей? - продолжал он.

- Маузеров? Не знаю. Но ли-метфордов^[46] около тысячи: мы отобрали их у ваших солдат.

- Последний вопрос: что стало с герцогом Ричмондским и его сыном?

- Я лично приказал перенести этих двух тяжело раненных джентльменов в бурский госпиталь. Теперь они вне опасности.

- Достаточно. Вы отказались ответить на два первых вопроса, и я вынужден передать вас в распоряжение Колвилла - майора третьего уланского полка.

Это имя заставило молодого француза вздрогнуть.

Колвилл! Еще один из убийц Давида Поттера.

Сорви-голова, не скрывая ненависти, пристально взглянул на вошедшего Колвилла.

Это был длинный, как жердь, сухопарый и желчный англичанин с высокомерным и жестоким выражением лица. Жан поклялся самому себе никогда не забыть его, если только удастся вырваться из этого осинового гнезда.

- Дорогой мой Колвилл, позвольте представить вам мистера Сорви-голова, небезызвестного вам нашего будущего палача.

- Вот как! - презрительно ответил майор. - Тот самый мальчишка, который осмелился послать офицерам ее величества свои идиотские и оскорбительные письма? Ну что же, теперь пришла наша очередь позабавиться.

- Клянусь, - пробормотал Руссел, - не хотел бы я очутиться в шкуре этого хвастунишки, над которым Колвилл собирается позабавиться.

Майор поднес к губам свой хлыст, рукоятка которого оканчивалась свистком.

На пронзительный зов свистка прибежал уланский сержант.

- Максуэл, - процедил сквозь зубы Колвилл, - забери-ка этого парня, и можешь позабавиться со своими товарищами игрой «подколем свинью».

«Pigsticking» - свирепая игра английских улан, которые любили предаваться ей, заменяя свинью

пленниками «низшей расы».

Но никогда еще, насколько известно, белый человек не служил объектом этого варварского развлечения. Бедному Жану предстояло стать первой жертвой глумления, которое вскоре распространилось на многих плененных буров.

Услыхав передававшийся из уст в уста призыв «rigsticking!», десятка два улан схватили свое оружие и вскочили на коней.

Жана поставили лицом к полю, на котором выстроился взвод сержанта Максуэла.

Майор Колвилл, желая продлить удовольствие, приказал одному из пехотинцев:

– Подать ему ранец!

Передавая Жану военный ранец, солдат, более человечный, чем его начальник, шепнул:

– Защищайся им, как щитом. Главное, не бойся и старайся парировать удары.

Вокруг столпились офицеры всех родов оружия, с любопытством ожидая зрелища, жестокость которого не может сравниться ни с чем.

Прозвище «Сорви-голова» не сходило с их уст, но произносилось оно без ненависти, скорее с оттенком сочувствия, к которому примешивалась известная доля уважения.

– Сорви-голова! Так это Сорви-голова?.. Бедный парень!

– Смотрите, да он совсем и не боится. Ну и храбрец!

– Хотите пари, Руссел? – предложил майор. – Ставлю десять фунтов, что этот мошенник пустится наутек, как лисица от гончих, и его с одного маху подколют чуть пониже спины.

– Идет! – смеясь, ответил драгунский офицер.

Взвод стоял в двухстах метрах.

– Колоть! – проревел сержант. – Вперед!

И взвод помчался бешеным галопом...

На Жана Грандые неся оцетинившийся пиками, сверкавший сталью смерч людей и коней.

Сорви-голова заслонил ранцем грудь и, крепко упершись расставленными ногами в землю, ждал удара.

И удар не заставил себя ждать. Ужасный удар!

Сорви-голова почувствовал, что его буквально подбросило в воздух, он два или три раза перекувыркнулся и тяжело рухнул на землю.

Его левое плечо было изодрано, правая рука сильно кровоточила. Но все же ранец отвел и ослабил удары, направленные в грудь.

Под крики «ура» уланские кони молнией пронеслись мимо, даже не задев Жана.

– Вы проиграли, Колвилл! – воскликнул капитан Русел. – Этот мошенник ведет себя неплохо.

– Подождем, – с холодной ненавистью ответил майор.

Оглушенный падением и тяжело дыша, Сорви-голова с трудом встал и поднял свой разодранный ранец.

Он был намерен бороться до конца, а уланы не теряли даром времени: проделав быстрый поворот, взвод перестроился.

Снова раздалась команда сержанта:

– Колоть! Вперед!..

Первоначальное сострадание сменилось у них нездоровым любопытством. Вид крови пробуждал в человеке зверя.

Сорви-голова выпрямился усилием воли и крикнул:

– Труссы! Подлые, низкие труссы!.. – и снова упал, сбитый сокрушительным ударом.

Против всяких ожиданий, ранец и на этот раз защитил его. Впрочем, уланы сами, рисуясь своим мастерством, старались попадать пикой только в импровизированный щит. Все, что было за ранцем, для

них не существовало, они видели в Жане лишь осужденную на казнь жертву.

Несчастный мальчик совсем разбит. Одежда его изодрана в клочья, тело изранено. Он едва поднимается. Его ноги дрожат и подгибаются, его налившиеся кровью глаза потускнели, а шум в ушах заглушает ироническое «ура» англичан. Ослабевшие руки уже не в силах поднять защищавший его до сих пор ранец.

Он понял, что все для него кончено, что спасенья нет; сейчас он будет растоптан безжалостным зверьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

СНОСКИ

1

Гайлендеры - горцы-шотландцы. Здесь речь идет о полке, которому присвоено имя офицера и географа шотландца Чарлза Джорджа Гордона. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)*

2

Бюргер – бур-гражданин, то есть коренной бур, пользующийся правами гражданства.

З

Вельд или вельдт - название степи в Южной Африке. Говорят: «Трансваальские вельдты».

4

Человек человеку – волк. (*лат.*)

5

Потеха с бумажками (*англ.*).

6

Охота на лисиц (*англ.*).

7

Добровольческая кавалерия в Англии (*англ.*).

8

Улица в одном из рабочих предместий Парижа.

9

Большая площадь в Париже, где обычно происходили парады войск.

10

Коммандо – подразделение трансваальской армии В начале войны Коммандо насчитывало до 1000 бойцов, в конце войны состав его уменьшился до 500–600 бойцов.

11

Четыре сына Эмона – легендарные странствующие рыцари. Во время походов Карла Великого против мавров они совершили множество подвигов. Часто их изображают путешествующими на одном коне, знаменитом Баярде.

12

Коллеж – средняя школа во Франции. Коллеж Сен-Барб – один из старейших парижских коллежей.

13

Париж - Лион - Средиземное море - железнодорожная линия, соединяющая Париж со средиземноморскими портами Франции.

14

Делагоа - залив на юго-восточном побережье Африки; в португальской колонии Мозамбик. В глубине залива - город Лоренцо-Маркес, естественный порт трансваальской равнины, откуда начинается железная дорога.

В Париже существует особая категория вечерних оборванцев. Они дежурят у театров, ресторанов, вокзалов и т. п.; как только подъезжает экипаж, они бросаются открывать дверцы, награждают выходящего княжеским титулом: «Прошу, князь» и тут же протягивают руку за подачкой.

Гаврош – маленький герой романа Виктора Гюго «Отверженные». Это парижский мальчик из народа, остроумный насмешливый, смелый и великодушный. Его имя стало нарицательным.

17

Луидор – золотая монета в 20 франков.

Когда-то Париж был окружен в целях защиты высоким земляным валом. Эти фортификации еще в 1871 году помогали парижанам долгое время выдерживать осаду – сначала прусских войск, а затем, во время Коммуны, – версальцев. Теперь этот вал лишен всякого военного значения; парижане называют его «фортифами».

19

Обок – порт. Расположен у самого входа в Красное море, в заливе Аден.

Иов – библейский персонаж, прославившийся своим благочестием и покорностью.

21

Лузитания – древнее название Португалии.

Претория - столица бывшей трансваальской республики.

Реюньон - группа островов (прежнее название - остров Бурбон).

Лиард – старинная французская монета.

25

Вождь английских консерваторов. В начале войны с бурами занимал пост министра иностранных дел.

Имеется в виду так называемая старая гвардия Наполеона. Она пополнялась самыми опытными и стойкими солдатами. Их ворчливость вошла в поговорку.

Фанфан, по прозвищу Тюльпан, - тип французского солдата, созданный народным воображением. Это храбрый и веселый любитель приключений, всегда готовый стать на защиту дела, которое он считает справедливым.

Река, у берегов которой происходили сильные бои между англичанами под начальством генерала Уайта и бурами под водительством генералов Кронье и Девета.

Синекура – должность, дающая хороший доход, но не требующая труда.

30

Английский генерал, командовавший группой войск в осажденном Ледисмите.

31

Лиддит – взрывчатое вещество, приготовляемое из смеси пироксилина и пикриновой кислоты.

Казенная (задняя) часть ствола называется так потому, что в старинных ружьях сюда засыпался порох, который назывался солдатами «казной».

Охранение буров, вообще поставленное крайне небрежно, поручалось мобильным кавалерийским отрядам, так называемым «патрулям». В «патруле» насчитывалось до сотни человек.

Шотландские горцы вместо брюк носят короткую юбочку-шотландку.

35

Город в Голландии, на реке Мерведе, притоке Мааса.

Джентльменская пуля (*англ.*).

Баллистика – наука о движении снарядов.

Об этих двух случаях, как, впрочем, и о других, не менее удивительных, рассказывает знаменитый английский хирург Мак Корнек. (*Примеч. авт..*)

Бечуаналенд - страна в Южной Африке, находящаяся под английским протекторатом. Коренное население - бечуаны, племена кафров.

Северная и Южная Родезия, или Британская Замбези, - английские владения в Южной Африке, в бассейне реки Замбези.

Капская земля – бывшая английская колония в Юго-Западной Африке. Ныне провинция Южно-Африканского союза.

Находился в совместном управлении Египта и Англии. Теперь независимое государство.

Сиу – племя североамериканских индейцев.

Рыцарь Д'Ассас - офицер Овернского полка, прославился своим подвигом (некоторые источники приписывают этот подвиг простому сержанту Дюбуа). Это случилось в 1760 году, в ночь перед сражением при Клостеркампе. Д'Ассас пошел в разведку в соседний лесок, где был схвачен вражескими солдатами, которые, приставив к его груди штыки, угрожали ему смертью, если он поднимет тревогу. Повинуясь долгу солдата, Д'Ассас крикнул во всю силу своих легких: «Ко мне, овернцы, тут враги!» Д'Ассас (или сержант Дюбуа) был немедленно заколот штыком. Но французская армия была предупреждена, избежала внезапного нападения и в разыгравшемся поутру сражении одержала победу над ганноверцами.

45

Break-neck (*англ.*) – сорви-голова.

46

Ли-метфорд - название ружья, бывшего на вооружении английской армии того времени.